

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2015

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. Г. Гродецкая. «Случайный» нигилист Марк Волохов и его сословная геральдика	5

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

М. В. Корогодина. Литературные источники о времени жизни Валаамских чудотворцев Сергия и Германа	39
К. Н. Лемешев. Латинский источник риторики Софрония Лихуда	45
А. Ю. Веселова. «Пролог в Ильинском», его автор и адресат	60
Ван Лиэ (КНР). М. Ю. Лермонтов в китайских переводах: традиции, школы и методы	67
А. С. Федотов. «Присыпочка втирается в литературный круг»: И. П. Песоцкий — издатель 1840-х годов	80
А. А. Грачева. Письма А. Ф. Вельтмана к Н. В. Гербелю о переводе «Слова о полку Игореве»	89
А. А. Тулякова. «Война и мир» Л. Н. Толстого и романы Ж. де Сталь (заметки к теме)	95
Л. Г. Панова. Запоздалая попытка петраркизма: «Канцоньере» в русском модернизме. Статья 1	103
В. В. Розанов и «Новый Путь» (письма к П. П. Перцову) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. И. Гончаровой)	128
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной)	153
Письма В. Я. Брюсова к Альберто Мартини (публикация Мартини Морабито (<i>Италия</i>))	203
Пак Сун Юн (<i>Республика Корея</i>). Жизнетворческие маски Анны Ахматовой (к стратегиям автомифологизации)	215

В. В. Полонский. Борис Эйхенбаум и Поль Клодель: к вопросу о рецепции символистской мистерии в России	227
Неопубликованные переводы Н. С. Гумилева из Т. Готье и П. Верлена (публикация В. В. Филичевой).	235
О. А. Лекманов. «Автора тошнит стихами по всякому поводу» (И. А. Ильин читает Ал. Блока)	242
К. М. Поливанов. Мемуарные источники романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго»	247

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

К. Б. Егорова. Хождения в Святую Землю XII—XX веков: мифы и реальность в русских и чешских паломничествах	254
А. О. Дёмин. Научные труды Музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени	256

ХРОНИКА

С. А. Семячко. Третий агиографический семинар	258
Л. Н. Алтунин. Державинские чтения в год литературы	261
А. Ю. Балакин. Письмо в редакцию	262
Памяти Олега Викторовича Творогова	263

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*Н. А. БОГОМОЛОВ, С. Г. БОЧАРОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНЯК, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
Дж. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, Дж. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ,
А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, М. В. ОТРАДИН,
А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

*Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru*

**НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ
ПИСЬМА А. М. РЕМИЗОВА С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО:
1909 ГОД***

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Е. Р. ОБАТНИНОЙ)

Публикуемая ниже глава из рукописи Ремизова «На вечерней заре» представляет собой авторскую редакцию тридцати двух писем, адресованных писателем его жене С. П. Ремизовой-Довгелло в 1909 году. Три части, образующие это, измененное по отношению к оригинальным письмам (см. Приложение) автобиографическое повествование, названы по топографическому принципу, соответствующему месту нахождения Ремизова: Петербург (отдельные записки за январь; письма от

* Первые главы не публиковавшейся при жизни писателя рукописи «На вечерней заре», подготовленные к печати профессором А. д'Амелия, см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Euroa Orientalis*. 1985. № IV. С. 149—190; 1987. № VI. С. 237—310; 1990. № IX. С. 443—498. Мы продолжаем последовательное (по годам) введение в научный оборот новых глав. См.: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // *Русская литература*. 2014. № 1. С. 149—178; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Там же. № 3. С. 142—184. Далее ссылки на две последние публикации даются сокращенно: На вечерней заре 1907 или 1908, с указанием страницы. Ввиду значительного объема настоящая глава рукописи печатается с продолжением в № 4 «Русской литературы» за 2015 год.

14 мая — 3 июня) — Москва (письма от 20—28 августа) — Петербург (записки и письма за октябрь, ноябрь и декабрь). Краткий «план-конспект», предшествующий тексту, лишь номинативно очерчивает круг событий, имен и обстоятельств, прямо либо опосредованно отразившихся в содержании эпистолярия. Для создания более целостной картины историко-литературного континуума жизни Ремизова в 1909 году, предваряя публикацию главы, мы уделим особое внимание реконструкции отдельных эпизодов культурно-бытового контекста, оказавшихся редуцированными в силу дискретности эпистолярного повествования, а также анализу авторской переработки оригинальных писем в нарративную форму романа в письмах.

С самого начала следует заметить, что по сравнению с другими главами, образованными в соответствии с хронологией переписки Ремизова с женой, авторское «редактирование» оригинальных эпистолярных текстов в главе, посвященной 1909 году, несет в себе очевидную тенденцию писателя представить все события этого хронотопа как линейную цепочку причин и следствий единственного кульминационного события — злополучного дня 16 июня, когда в «Биржевых ведомостях» в статье некоего Мих. Мирова, озаглавленной «Писатель или списыватель?», прозвучало прямое обвинение Ремизова в литературном плагиате. В ряду псевдонимов, нередко использовавшихся авторами рецензий и критических статей на страницах повременной печати, это «литературное» имя было новым. Критик, очевидно, намеренно скрывавший свое настоящее имя, поставил под сомнение авторскую аутентичность сказок «Небо пало» и «Мышонок», созданных на основе одноименных фольклорных произведений.¹ Содержанием статьи стал сравнительный анализ этнографической записи из собрания Н. Е. Ончукова и пересказа Ремизова, в котором были дезавуированы приемы авторской переработки, адаптировавшие запись к форме художественного произведения. Язвительные аргументы, изложенные в статье, послужили началом последующей репортерской травли писателя, распространившейся по страницам газет и журналов от Москвы и Петербурга до Киева и Харькова,² и в отдельных случаях дошедшей до абсурдных требований лишить его права на литературное творчество. И хотя к концу месяца газетный ажиотаж поутих, перед Ремизовым встала проблема реабилитации своего очерченного имени. Ему удавалось скрывать от окружающих, и прежде всего от Серафимы Павловны, глубокое потрясение, вызванное не столько громким резонансом этого литературного скандала, сколько незаслуженным обвинением в профессиональной нечестности. Сохранившиеся письма Ремизова к жене характеризуются более чем спокойным, почти безэмоциональным тоном фиксации последовавших за статьей неприятных событий. Так, в оригинале письма от 22 августа читаем лапидарное упоминание о том, как среди родственников и знакомых рас-

¹ Ремизов А. 1) Небо пало (Детская сказка) // Всемирная панорама. 1909. 22 мая. № 5. С. [10] (текст-источник назывался «Небо пало»); 2) Мышонок (sic!). Сказка // Италии: Литературный сборник в пользу пострадавшим от землетрясения в Мессине. СПб.: Шиповник, 1909. С. 151—152.

² См. хронологию публикаций, касающихся этого литературного скандала: [Б. п.] Вскрывшийся источник вдохновения Алексея Ремизова // Голос Москвы. 1909. 17 июня. № 137. С. 3; [Б. п.] Плагиат Алексея Ремизова // Русское слово. 1909. 17 июня. № 137. С. 4; [Б. п.] Разоблачение писателя // Обозрение театров. 1909. 18 июня. № 763. С. 4—6; Musca [Мускаблит Ф. Г.]. Две памяти. I. Короткая. II. Долгая // Раннее утро. 1909. 18 июня. № 138. С. 3; [Б. п.] Плагиат Алексея Ремизова // Киевская мысль. 1909. 19 июня. № 167. С. 2; Скиталец [Бальтерманц О. Я.]. Около печати (С берегов Невы) // Раннее утро. 1909. 19 июня. № 139. С. 2; Волн Ю. Заметки. 137 // Южный край. 1909. 21 июня (4 июля). № 9718. С. 3; [Б. п.] Плагиат Алексея Ремизова // Одесский листок. 1909. 25 июня. № 144. С. 2; Лидер. В защиту А. Ремизова // Будильник. 1909. № 24. 28 июня. С. 4; А-ндр. «Заметка, начинающаяся словами „Модернист“ Ремизов не стесняется сочинять...» // Настоящее жало. Эхо общественно-политической юмористики. 1909. 5—11 июля. № 27. С. 2; Анчар [Боцяновский В. Ф.]. Плагиат ли? // Новая Русь. 1910. 29 янв. (11 февр.). № 28. С. 3.

пространялась его позорная слава: «В(арвара) Ф(едоровна)³ рассказывала, что в Ефремове у них читали статью в Р(усском) С(лове) обо мне очень ругательную, чтобы меня из литераторов выгнать, если это возможно. Если тут не достану, попрошу прислать» (см. Приложение). Заслуживает особенного внимания редакция этих строк в рукописи «На вечерней заре», отчасти воссоздающая подлинное отношение Ремизова к инциденту, сложившееся в ходе развития скандальной истории: «За чаем Варв(ара) Фед(оровна) рассказывала, как в Ефремове у ее отца читали обо мне: статья в „Русском Слове“⁴ — статья, полная „благородного негодования“, в заключение автор требует выгнать меня из круга литераторов, „если возможно“. Мне понравилось это „если возможно“. Непременно достану № „Русского Слова“: всякая брань только подымает. Из круга писателей печатающихся, меня, конечно, можно выгнать, но заставить меня не писать нет такой власти».

Биографический сюжет, оказавшийся в центре повествования о 1909 году в рукописи «На вечерней заре», работа над которой шла в течение 1945—1948 годов, был кратко изложен в первой книге воспоминаний Ремизова «Кукха. Розановы письма», опубликованной в 1923 году в Берлине. В отличие от этого первоначального варианта, в контексте эпистолярного романа история о плагиате получила дополнительные штрихи, которые впоследствии в трансформированном виде легли в основу двух ставших каноническими рассказов, раскрывающих данный сюжет биографии писателя, — «Разоблачение» и «Плагиатор», известных по тексту созданного в начале 1950-х годов романа «Петербургский буерак» (гл. «На большую дорогу (Моя литературная карьера)»).⁵ Оригинальные письма Ремизова запечатлели человека, несомненно, подавленного обстоятельствами, но сохранявшего внутреннюю уверенность в правоте своего авторского метода переложения этнографических записей фольклорных текстов в художественную форму литературного произведения. В окончательной редакции (роман «Петербургский буерак») писатель выразил свою авторскую позицию как «право сказочника сказывать сказку с голоса русского сказителя».⁶ Надо учитывать, что в ситуации, возникшей после 16 июня, он оказался под двойным прессингом: с одной стороны, продолжался поднятый Мих. Мировым газетный ажиотаж по поводу литературного скандала. С другой, расположенные к Ремизову представители редакций видных изданий настойчиво склоняли его к публикации статьи с самооправданием, а «как и что написать» ему «подскажут» и научат.⁷ Пожалуй, это дружеское участие, бесспорно, направленное во благо, угнетало его сильнее всего. Характерно, что слово «плагиат» в своих письмах 1909 года Ремизов обозначал исключительно в кавычках, подчеркивая неправомерность вменяемого ему обвинения. Преодолев приступы поражен-

³ Речь идет о жене брата — С. М. Ремизова.

⁴ Очевидно, в указании печатного источника изначально была допущена неточность, поскольку такого рода «предложение» прозвучало в другой московской газете «Раннее утро», в статье О. Я. Бальтерманца, подписавшегося Скиталец, который, освещая разного рода негативные явления в современной литературе, в частности, писал: «Кто совестится быть просто самозванцем, может недурно устроиться по плагиаторской части. (...) Теперь блеснул на этом поприще Алексей Ремизов». Ряд оскорбительных эскапад в адрес писателя завершился вердиктом: «Необходимо произвести строжайшую чистку в журналистских и литературских кругах. Необходимо за борт выбросить всех этих господ — самозванцев (...) плагиаторов...» (Скиталец [Бальтерманц О. Я.]. Около печати (С берегов Невы)).

⁵ Впервые: Ремизов А. 1) Моя литературная карьера. III. Разоблачение // Новое русское слово. 1954. 7 фев. № 15261. С. 8; 2) Моя литературная карьера. V. Плагиатор // Там же. 14 фев. № 15268. С. 8. См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 184—188, 189—191.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ См. письмо от 24 августа 1909 года в составе рукописи «На вечерней заре», а также оригинал письма в Приложении, согласно которому решающее слово принадлежало С. В. Лурье и Д. А. Левину.

ческих настроений,⁸ он не стал уповать на обещанную помощь своих защитников и принялся за сочинение ответной статьи.⁹

В поздних дополнениях к письмам 1909 года открывается вся гамма тогдашних чувств и сомнений, вызванных этим решением. Их описание лишь частично соотносится с каноническим воспроизведением истории о плагиате в рассказе «Разоблачение». Для варианта, сохранившегося в рукописи «На вечерней заре», характерны дополнительные литературные аллюзии, привнесенные в текст оригинальных писем в процессе редактирования, но впоследствии не востребованные при подготовке воспоминаний. Ярким примером в этом смысле является попутно встроенный в описание московских переговоров Ремизова с редакторами журнала «Русская мысль» микросюжет о якобы рассказанном П. Б. Струве эпизоде из литературной биографии А. В. Дружинина. Согласно извлеченным из литературного наследия критика и переводчика сведениям, он блистательно защитил своего коллегу — Н. Х. Кетчера, выполнившего в 1840 году прозаический перевод сочинений Шекспира в соответствии с академическими принципами сохранения подлинного и точного звучания, что негативно сказалось на художественных достоинствах текста на русском языке. Возникшая литературная параллель заключала в себе позднюю рефлексию Ремизова, касающуюся собственной биографии как типологического явления истории литературы, и возникла не из глубин внезапно пробудившейся памяти, а в результате авторской стратегии, нацеленной на формирование историко-литературного фона конкретных событий. Хотя в качестве ложной мотивации писатель и акцентировал читательское внимание на том, что летом 1909 года в нем теплились надежды на заступничество какого-либо авторитетного в литературе и этнографии лица, «сомасштабного» Дружинину. Для этой миссии лучше всего подходили представители науки — А. А. Шахматов, Н. Е. Ончуков, Е. В. Аничков.¹⁰ Между тем оригинальные письма позволяют предположить, что в 1909 году Ремизов сам еще до конца не осознал: ему не нужны «проводжатые», так как перед ним уже открылась самостоятельная литературная стезя. Это преодоление собственной психологической мизерабельности произошло, как в волшебной сказке — по истечении трех бессонных ночей, когда из вороха исписанных черновиков «опровержения» выкристаллизовались три страницы литературного манифеста,¹¹ содержащего ясно выраженную концепцию писателя-мифолога.¹²

⁸ Ср. текст редакции письма от 24 августа 1909 года: «Самому оправдываться это ужасно! И все эти советы писать опровержения... (...) Я уверен, ты меня остановила бы. Но ты понимаешь: оправдываться — перед кем оправдываться? Нет, пускай я буду вором среди всех этих честных и благородных воров чужих мыслей, дешевых затасканных приемов, избитых выражений, стершихся беззвучных слов».

⁹ Несомненно, на Ремизова, отказавшегося от оборонительной позиции, до известной степени повлияла история обвинения в плагиате Вл. Ленского, в защите литературной чести и достоинства которого он принял непосредственное участие в начале 1909 года (см. прим. 41 к письму от 18 мая в наст. публикации).

¹⁰ О попытках Ремизова и Пришвина привлечь ученых к защите литературных прав писателя см.: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). Helsinki, 2010. С. 105—106.

¹¹ Опубликован дважды: Ремизов А. 1) Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1909. 6 сент. № 205. С. 5; 2) Письмо в редакцию // Золотое руно. 1909. № 7/9. С. 145—148 (здесь под текстом имеется авторская датировка: «29 авг. 1909 г.»). Ср. также запись от 28 августа: «Вот уже 3 дня ложусь в 4 часа. Столько исписал бумаги, а вышло в заключение 3 страницы», и текст авторской редакции: «Третья ночь в 4 ч(аса) утра. Исписал бумаги на 3 аршина, если собрать уложить на столе под потолок, вышло всего 3 страницы. „Как пишутся сказки“ с учеными ссылками на А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонравова и А. А. Шахматова. О сказках из сновидческой природы человека — редчайший дар рассказывать еще небывшее и небывалое, и о сказках, когда сказочник подхватывает голос из веков, распространяя и углубляя содержание бывшего и бывалого. Примеры из Даля (Козака (sic!) Луганского), Пушкина, Одоевского, Погорельского до Лескова и Л. Н. Толстого. А воздав честь и хвалу трудящимся и трудившимся, поминую и о себе, труждающемся от литературного невежества и человеческого дубоножия».

¹² Подробнее о символистской концепции мифа, раскрытой в «Письме в редакцию» Ремизова, см.: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). С. 43—44, 120—122.

Настроенный в своих писательских интенциях на широкий спектр новаторских экспериментов, Ремизов оставался неизменно верным принципам символистского жизнетворчества. Поэтому в мемуарах он создавал не фотографический снимок с собственной жизни, а автобиографический миф, наполненный латентными историко-литературными смыслами и корреляциями. Для построения автобиографического мифа история о плагиате сыграла решающую роль. Именно литературный скандал лета 1909 года стал отправной точкой развития утвердившейся в мемуарной прозе Ремизова темы самоидентификации как «ненастоящего» писателя, создающего свои произведения вопреки распространявшемуся мнению, будто он в литературе случайный человек. Впервые внутренняя связь истории о плагиате и мифа о «ненастоящем» писателе наметилась в книге «Кукха», где эта тема получила полушутливый оттенок: «Писали в московских газетах, не помню, не то в „Русском Листке“, не то в „Раннем Утре“, чтобы „вычеркнуть меня из писателей“ — чудачки! Да у меня тогда и претензии этой ну нисколько не было — какой я там писатель!»¹³ В этом же первом мемуарном произведении Ремизов впервые называет настоящее имя, скрытое под псевдонимом Мих. Мирон (гл. «Язва»). Известный литератор, пародист, постоянный сотрудник и заведующий литературным отделом газеты «Биржевые ведомости» А. А. Измайлов представлен здесь единственно возможным автором статьи «Писатель или списыватель?». Упоминания о нем в «Кукхе» отличаются сдержанностью, краткостью и даже сопровождаются иронической оправдательной мотивацией поступка критика: «И как на грех А. А. Измайлов из побуждений самых высоких, оберегая литературную честь, написал про меня в Биржовке...»¹⁴ Возможно, в 1923 году Ремизов не считал уместным «отмщение» недавно умершему литератору,¹⁵ который, как и он сам, состоял в приятельских отношениях с В. В. Розановым. В рукописи «На вечерней заре» писатель, напротив, впервые позволяет выйти наружу всем болезненным переживаниям, связанным с этим человеком. В традициях русской народной сказки он рисует фантастический портрет Измайлова, используя детали биографии критика, жившего в доме отца — дьякона церкви на Смоленском кладбище.¹⁶ Так возникает образ мертвеца-вурдалака, маниакально преследующего избранную жертву. Экспрессивность авторского отношения к Измайлову лишь на несколько тонов была снижена в тексте рассказа «Разоблачение», где, в отличие от «Кукхи», личная неприязнь ничуть не скрывается. Вся эта эволюция отношения к литературному врагу показывает, что писатель, как это ни высокопарно звучит, до конца своих дней не простил обидчика. Однако с точки зрения объективного историко-литературного описания данного сюжета из биографии Ремизова, субъективная позиция писателя, поддержанная многочисленными косвенными подтверждениями, высказанными в 1909 году на уровне догадок,¹⁷ входит в конфликт с выявленным в переписке Измайлова его категорическим заявлением о собственной непричастности к этому делу.¹⁸ Вопреки

¹³ Ремизов А. Кукха. Розановы письма / Сост., подг. текста, статья, комм. Е. Р. Обатниной. СПб., 2011. С. 91 (сер. «Литературные памятники»).

¹⁴ Там же. С. 89.

¹⁵ Измайлов скончался 16 марта 1921 года.

¹⁶ Ср. также об Измайлове: «Был он сыном дьякона Смоленской кладбищенской церкви и проживал там же в церковном доме» (Ясинский И. И. Роман моей жизни: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 535; глава «Измайлов»). Здесь же дана развернутая характеристика критика как сотрудника редакции «Биржевых ведомостей».

¹⁷ В литературных кругах убеждение в причастности Измайлова к авторству статьи «Писатель или списыватель?» возникло по логическому рассуждению, учитывающему, что критик на тот момент занимал должность заведующего литературным отделом «Биржевых ведомостей». Указания на Измайлова см. в письмах Пришвина (Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 168) и В. Г. Гофмана (Письма В. В. Гофмана к А. А. Шемшурину / Предисловие, публ. и комм. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 257).

¹⁸ Историко-вопроса см.: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). С. 111—122.

ожиданиям, содержание оригинальных писем Ремизова к жене за 1909 год также не разрешает проблему обнаружения документальных подтверждений ремизовской версии о настоящем имени написавшего статью «Писатель или списыватель?», поскольку фамилия Измайлова в них не упоминается ни разу.

Ремизов с удивительной настойчивостью сохранял за Измайловым образ абсолютного злодея. И даже если полностью принять его версию и гипотетически допустить, что Измайлов имел прямое отношение к статье Мих. Миров, то сам факт, что Ремизов, с 1911 года поддерживавший с критиком весьма доброжелательные отношения, отраженные в обширной переписке,¹⁹ в своей литературной биографии так и не смягчился и не написал что-то вроде истории о двух непримиримых врагах, обретших духовное спасение в добре и прощении, — говорит о сознательной стратегии выстроить выверенный автобиографический сценарий, в котором история с плагиатом имела значение поворотного события, и некий безвестный Мих. Мир, спровоцировавший его, должен был ассоциироваться с конкретным человеком. В этой «пьесе» все роли были распределены. Авторскому замыслу подчинялось и направление «прожектора» памяти, который высветил и вывел к рампе лишь главных действующих лиц, характеризующихся четко выраженным амплуа: авторское Я — в роли жертвы, Измайлов — в роли злодея, помощники — литературные «близнецы» А. Рославлев и А. Котылев, защитники — М. Пришвин, К. Чуковский и Иванов-Разумник.²⁰

Несмотря на то, что Ремизов оперировал собственными письмами, выстроенными в хронологической последовательности, данная глава содержит ярко выраженные тенденции к созданию связного повествования, сюжетобразующим событием для которого стала история с плагиатом. Беллетризуя текст, писатель использует приемы, способствующие нагнетанию трагического восприятия основной коллизии. На протяжении нескольких писем всякое упоминание об ожидаемом гонимом из журнала «Всемирная панорама» размером 8 рублей 25 копеек за сказку «Небо пало» сопровождается в поздней редакции последовательным акцентированием приближения катастрофы (ср. примечание Ремизова в редакции письма от 22 мая: «А я да ничего не знаю, и не предчувствую надвигающуюся беду: жду в четверг получить 8 р(ублей) 25 к(опеек)»). Под грядущую беду также подверстывается содержание подлинного сна писателя, пересказанного в письме от 31 мая: «Нас откуда-то выгоняли. „Пошел, пошел!“ — только и слышу. Я упираюсь, а

¹⁹ Первое письмо Измайлова было написано Ремизову 8 августа 1911 года в связи с подготовкой сборника статей о творчестве современных писателей. Зная реакцию Ремизова на статью «Писатель или списыватель?», которая не только адресатом, но и многими другими литераторами ассоциировалась исключительно с его именем как заведующего литературным отделом «Биржевых ведомостей», в первых строках своего обращения Измайлов писал: «Искренноуважаемый Алексей Михайлович. Я издаю книгу, в которую, в числе 10—15 других, входит Ваш литературный портрет. (...) Если Вы не питаете ко мне очень большой антипатии, то, может быть, будете столь ласковы, что дадите мне для книги *не бывший* в печати Ваш портрет и страничку автографа. (...) Читая Ваше и потом реализуя свои мысли на бумаге, очень жалею, что не мог на многое услышать Ваше собственное уяснение. (...)» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 117. Л. 1—2). Используемые критиком фигуры речи могут быть прочитаны как косвенное признание совершенной по отношению к Ремизову ошибки, либо, в равной мере, как желание сгладить свои другие критические высказывания. Однако они позволяют только интерпретировать текст письма, но не оперировать фактами. Характерно, что в «Петербургском буреке» Ремизов рассказывает о возникших контактах с Измайловым, но подчеркивает, что они носили вынужденный, неестественный характер.

²⁰ Список реальных защитников ко времени создания мемуарной прозы в 1923 году, а затем в начале 1950-х годов заметно сократился в сравнении с реальным количеством литераторов, принявших сторону Ремизова. В частности, не была упомянута наверняка известная Ремизову пламенная реакция на обвинение Хлебникова, отраженная в его письме к В. Каменскому. Об этой продуманной «забывчивости» писала Н. В. Резникова: «Ради утверждения созданного им самим „образа“, А. М. (Ремизов) мог умалчивать о самоотверженных поступках по отношению к нему» (цит. по: Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. С. 206).

все-таки уходить надо». Здесь же вписана в квадратных скобках интерпретация провиденциального характера данного сновидения: «Последний сон очень близок к действительности завтрашнего дня. Скоро уж после разоблачения Измайлова в какой-то газете будет „поставлен вопрос: можно ли меня терпеть в среде литераторов” и без всяких слов я встречу в редакциях только недоумение: как я попал сюда, да еще спрашиваю о судьбе своих сомнительных рукописей?» Усилению трагедии способствует также привнесенный в текст письма от 30 ноября сходный по тематике сюжет, якобы подсмотренный на улице — о пойманной городовыми воровке, вслед которой ротозей, сбжавшийся на происшествие, кричали: «Поворухись!» Характерна и включенная в этот фрагмент авторская ремарка, указывающая на то, что психологически писатель еще долго не мог примириться с обычным обвинением в плагиате: «И все чему-то рады. Ой, Господи, почему все так рады, когда вот так идет человек и всхлипывает и руками цепляется. Да, если бы это был сон! За сон человек не отвечает. „Поворухись!” — повторил голос, пробуждая».

Наконец, Ремизов создает эффект зловещей тени Измайлова, незримо присутствующей в его жизни еще до рокового дня. Объективно говоря, в обратной временной перспективе этот образ тайного недоброжелателя, наносящего мелкие удары и поджидающего удобного случая для полного разоблачения писателя-самозванца, не лишен достоверности. К моменту выхода статьи «Писатель или списыватель?» Измайлов, не скрывая своего имени, или используя свои известные псевдонимы (*Аякс* и *Смоленский*), довольно пристально наблюдал за творчеством Ремизова и не упускал случая негативно охарактеризовать любые эксперименты писателя. Едкая критика Измайлова распространялась как на постановку «Бесовского действия» в театре В. Ф. Коммиссаржевской в конце 1907 года, так и на сам текст этой пьесы;²¹ его категорическая нетерпимость к модернистским новациям в области литературного языка сказалась также в оценке «посолонной» новеллы «Верба»²² как литературной безвкусицы, избыточной словесными архаизмами.²³ Незадолго до скандала с плагиатом Измайлов под своим известным псевдонимом Аякс раскритиковал цикл «Бедовая доля». В оригинальном письме от 29 мая Ремизов написал об этом вскользь: «В „Вечерн(ей) Биржовке” выругали „Бедовую долю”». В рукописи почти дословно повторенная фраза дополнена экспрессивной рефлексией, введенной в текст оригинала без каких-либо помет о позднем вмешательстве: «Ну, мне не привыкать стать. Чем-то я бережу критическое сердце наших „критиков”. Почему все они какие-то слюнявые и замогильные, вроде А. А. Измайлова, с черными ртами и желтыми пятнами, подтеком гложащей червивой злости?»²⁴

События, зафиксированные в письмах первой части, разворачиваются в течение мая—июня в Петербурге, охваченном эпидемией холеры. Как показывают оригиналы писем Ремизова (см. Приложение), он, действительно, пристально следил за газетными сводками по заболевшим, скрупулезно сообщая Серафиме Павловне

²¹ *Смоленский* [Измайлов А. А.]. Театр г-жи Коммиссаржевской. «Бесовское действие над неким мужем, а также прение Живота со Смертью» А. Ремизова // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1907. 5 дек. № 10237. С. 4—5; *Измайлов А. 1*) «Бесовское действие над неким мужем, а также прение Живота со Смертью» в театре Коммиссаржевской // Русское слово. 1907. 7 дек. № 281. С. 4; 2) Поток богатырь на «Бесовском действе» // Биржевые ведомости. 1907. 9 дек. № 10244. С. 3.

²² *Ремизов А. Верба* // Русская мысль. 1908. № 6. С. 191—192. Рассказ включен во вторую часть книги Ремизова «Посолонь», опубликованной в составе шестого тома собрания сочинений писателя (1911).

²³ *Измайлов А. Литературная пестрядь. (Заметки и впечатления)* // Образование. 1908. № 8. Отд. 3. С. 9—10.

²⁴ Ср. каноническую редакцию истории о плагиате с описанием первой личной встречи Ремизова с Измайловым: «Черный человек обернулся и смертельная улыбка оскалила его. — Кто этот мертвец, кладбищенская пугала?» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский бунрак. С. 198*).

безрадостные цифры. Однако редакция 1945—1948 года как беллетристическая форма эпистолярного материала содержит очевидные попытки писателя перевести действительность в план символический. Холера постепенно обретает свойства невидимой опасности или надвигающейся трагедии, внезапно обнаружившей себя в литературном скандале с обвинением писателя в плагиате. С тех пор Ремизов изредка именовал 1909 год в ряду других последующих лет, также проходивших «под знаком» эпидемии, «холерным» годом. Так, восстанавливая прерванные отношения с Н. С. Гумилевым, с которым сдружился зимой 1909 года, Ремизов писал, напоминая время последней встречи: «Дорогой Николай Степанович! Сколько лет я Вас не видал — с холерного года».²⁵

Самая ранняя автобиографическая рефлексия Ремизова значительного периода жизни, прошедшего в дореволюционной России, относится к 1922 году. Тогда, принимаясь за описание событий 1909 года, обернувшихся разного рода неудачами и переживаниями, писатель кратко констатировал: «Наступил 1909 год и все кувырнулось».²⁶ Объективная хронология жизни Ремизова показывает, что неудачи в литературных делах поджидали его уже в конце плодотворного по части литературных новаций 1908 года. Именно в 1908 году родился жанр «снов», первая публикация которых в «Золотом руне» оказалась в известном смысле литературным событием.²⁷ В этом же году была написана совершенно новая по своей поэтике пьеса «Трагедия о Иуде, принце Искаротском», в которой органично переплелись апокрифические источники, мифы древнегреческой трагедии и авангардный, по своей сути, прием введения в сюжет наравне с реалистическими героями фантастического персонажа — обезьяньего царя Асыки Первого, с именем которого впоследствии Ремизов накрепко связал собственную автомифологию.

Успешно начатые творческие проекты скоро стали рушиться. Уже в ноябре обнаружилось, что новый цикл «снов» «Бедовая доля», написанный Ремизовым по заказу З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского, возглавивших к этому времени беллетристический отдел журнала «Русская мысль», совершенно неожиданно для писателя оказался под угрозой отклонения.²⁸ В контексте тесной дружбы, завязавшейся с 1905 года между Серафимой Павловной и Зинаидой Николаевной Гиппиус, профессиональные контакты писателя с Мережковскими приобрели новую тональность. Его независимый характер с трудом выдерживал нередко «тираническую» добродетель подруги жены, которая занялась не только проблемами их быта и духовным воспитанием, но пыталась воздействовать на личные творческие интересы Ремизова.

Очевидно, что публикация «Бедовой доли», состоявшаяся только в майском номере «Русской мысли» за 1909 год, была бы невозможна без вмешательства редактора П. Б. Струве в этом журнале С. В. Лурье.²⁹ Однако огорчения продолжали преследовать Ремизова и после выхода в свет цикла «снов». Заключительный аккорд прозвучал в мае 1909 года, когда в печати появилась разгромная рецензия Измайлова под названием «Не люблю не слушать, а врать не мешай», подписавшегося своим известным псевдонимом Аякс.³⁰ После того, как «сны» оказались вне эстетического восприятия как старших символистов в лице Мережковских,³¹ так и

²⁵ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2007. Т. 8. С. 234 (письмо 1912 года).

²⁶ Ремизов А. Кукха. Розановы письма С. 89.

²⁷ См.: На вечерней заре 1908. С. 154—155.

²⁸ См. письмо Гиппиус от 22 ноября 1908 года, в котором она выражала недовольство содержанием абсурдистских текстов: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 586 (прим.).

²⁹ Уже 12 января Лурье «затребовал» от Мережковских «подтверждения того, что „Сны“ приняты» и был выплачен аванс (см. письмо Лурье, адресованное Ремизову: РНБ. Ф. 634. № 142. Л. 1). Подробнее историю публикации цикла см. в комментарии к книге Ремизова «Мартын Задека» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 586—587).

³⁰ Биржевые ведомости (веч. вып.). 1909. 29 мая. № 11130. С. 3.

³¹ Ср. письмо Ремизова Вяч. Иванову от 22 ноября 1908 года: «Сегодня мне вернули рукопись на приеме у Мережковских, находя рассказы нехорошими» (Переписка В. И. Иванова и

младших — из окружения Вяч. Иванова,³² ждать благосклонности от позитивистов не приходилось. И действительно, пафос критики был сосредоточен на комическом выявлении полного отсутствия смысла в рассказах, названных «снами». Единственным союзником Ремизова в освоении новых форм отражения многомерной реальности был Лев Шестов. Поддерживая стремление писателя объективировать в литературе сновидения как «беспочвенную», парадоксальную сторону человеческой жизни, он, по-видимому, в ответ на сообщение о критическом выпаде, иронически пояснял своему другу подоплеку негативного отношения к его бессодержательным миниатюрам: «Что же? Измайлов прав. Он хочет смысл у тебя найти — конечно, его у тебя нет. И чего это ему вздумалось как раз у тебя смысла искать? Будто мало писателей со смыслом?! Почитал бы Саллиаса (Е. А. Салиас-де-Турнемир), Боборыкина, там смысла хоть отбавляй».³³ Подчеркнем также, что литературные «сны» Ремизова создавались на основе его записей тех реальных снов, которые составили значительный объем писем, адресованных жене, или фиксировались в специальных тетрадах.

Существенные трудности ожидали Ремизова в 1909 году с публикацией «Трагедии о Иуде, принце Искаротском», которая первоначально, еще осенью 1908 года, была предложена в «Золотое руно». Уведомляя писателя о благосклонном решении издателя Н. П. Рябушинского опубликовать пьесу, секретарь редакции Г. Э. Тастевен писал в ноябре 1908 года: «Я чрезвычайно рад, что Ваша трагедия будет печататься в „Руно“: на меня она произвела очень сильное впечатление, как силой и яркостью психологических красок, так и чисто эстетической мощью слога, напоминающий (sic!) слог „Слова о полку Игореве“ (напр(имер), жалоба Уккрады в III сцене)».³⁴ Высокая оценка художественных достоинств этого произведения предполагала скорую публикацию. Поэтому в письме от 4 декабря 1908 года, адресованном брату Сергею и его жене, Ремизов с уверенностью писал: «„Иуда“ будет напечатан в № 1 „Зол(ото) Руна“, выйдет в конце января 1909».³⁵ Однако финансовое положение журнала, не выдерживавшего конкуренции с другими символистскими изданиями, и прежде всего с «Весами», оказалось весьма шатким, начались перманентные переносы материала из номера в номер. Из-за постоянных проволочек и задержек с выплатой гонораров за предшествующие публикации в «Золотом руно»³⁶ в феврале 1909 года Ремизов попробовал устроить «Трагедию о Иуде...» в «Русскую мысль», адресовав свое предложение — «в обход» Мережковских — непосредственно Лурье. Судя по ответу редактора журнала, расчет удался. «Совершенно не могу понять, — недоумевал Лурье, отвечая Ремизову 24 февраля по прочтении рукописи, — почему Вы его («Иуду», т. е. «Трагедию о Иуде, принце Искаротском». — Е. О.) в свое время не передали Мережковским. Я прочитал его и *весьма одобрил*».³⁷ Не могу однако сейчас ничего ре-

А. М. Ремизова / Вступ. статья, прим. и подг. писем А. Ремизова — А. М. Грачевой; подг. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 96, 114; в публикации допущена неверная датировка письма — 1909 год, а комментарий содержит ошибку, касающуюся печатной судьбы «Бедовой доли» в «Русской мысли»). Ср. также письмо Ремизова В. Ф. Нувелю, написанное накануне чтения цикла на «Башне» Вяч. Иванова: «„Бедовую долю“ мне вернули. Расскажу историю моей отставки. Упоминались и вы» (РГАЛИ. Ф. 784. Оп. 1. № 13. Л. 2).

³² На вечерней заре 1908. С. 155.

³³ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 3. С. 189.

³⁴ РНБ. Ф. 634. № 214. Л. 14. Историю создания пьесы см. также: На вечерней заре 1908. С. 152—154.

³⁵ Цит. по: Соколов-Ремизов С. Н. Из семейного архива // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб.: Салерно, 2003. С. 399 (Europa orientalis. 4).

³⁶ Переговоры о публикации «Трагедии о Иуде, принце Искаротском» в «Золотом руно» писатель вел с редакцией журнала в ноябре 1908 года. См. письма секретаря редакции Г. Э. Тастевена (РНБ. Ф. 634. № 214).

³⁷ Подчеркнуто С. В. Лурье.

шительного сказать, так как должен по этому поводу списаться с М(ережковски-ми). Думаю, что не может быть препятствий с их стороны. Во всяком случае сообщу Вам немедленно результаты моих переговоров (с) М(ережковскими)». ³⁸ Но этот благожелательный прогноз оказался ошибочным: как и в случае с «Бедовой долей», 27 февраля Гиппиус направила Ремизову очередное «заботливое» письмо: «Мы получили уведомление, что вы предложили в Русск(ую) М(ысль) вашу пьесу „Иуда“ и дали ее Лурье на прочтение. Что же вы не посоветовались с нами? Дм(итрий) Вл(адимирович Философов) пьесу знает, нам ее в точности рассказывал, и мы имеем определенное мнение, что к Русск(ой) М(ысли) она не подходит. Я, признаюсь, думаю, что от прочтения ничего не изменилось бы, а потому очень жалею, что вы напрасно взяли пьесу из Золотого Руна. Следовало, следовало вам с нами посоветоваться! Разве я вам добра не желаю!» ³⁹ Так в двух случаях профессиональных столкновений литераторов с очевидностью обозначились их принципиальные расхождения в понимании перспектив развития прозы. С одной стороны, была продемонстрирована позиция силы — явная тенденция к диктату и литературный консерватизм, а с другой — несомненная независимость от авторитетных мнений и осознанное стремление к обновлению арсенала художественных средств через творческий эксперимент, который в известной степени предвосхитил искания французских сюрреалистов в области бессознательного. ⁴⁰

Если «Трагедия о Иуде...», пусть с опозданием, но все же была опубликована в последнем в истории журнала «Золотое руно» номере, увидевшем свет в феврале 1910 года, то сценическая судьба пьесы оказалась еще более трудной. Спектакль, утвержденный в репертуарном плане театра на Офицерской осенью 1908 года, ⁴¹ уже в январе 1909 года был снят с постановки. На страницах «Золотого руна» в разделе «Вести отовсюду» об этом сообщалось как о свершившемся факте: «Постановка новой пьесы А. Ремизова „Трагедия о Иуде, принце Искаротском“ не могла состояться по причинам, от дирекции театра не зависящим». ⁴² По резонным предположениям исследователей, Коммиссаржевская сама приостановила работу, уже начатую с режиссером А. П. Зоновым и художником по декорациям и костюмам М. В. Добужинским, ввиду цензурных преследований, обрушившихся на театр в связи с запретом по постановлению Синода премьерного показа спектакля «Саломея». ⁴³ Вероятно, опасаясь нового инцидента с пьесой Ремизова, в основу которой была положена комбинация апокрифических сюжетов об Иуде-предателе, ⁴⁴

³⁸ РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 142. Л. 3.

³⁹ Там же. № 88. Л. 25.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: *Обатнина Е.* «Магнитные поля»: А. М. Ремизов и французский сюрреализм // Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу: 1920—1940: Международная науч. конференция. (Женева, 8—10 декабря 2005 года) / Сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар и др. М., 2007. С. 263—275.

⁴¹ См.: На вечерней заре 1908. С. 154.

⁴² Золотое руно. 1909. № 1. С. 111.

⁴³ Причина запрета состояла в усмотрении грубого искажения евангельской истории. Подробнее об этом см.: *Философов Д. В.* Параллель // Русское слово. 1909. 28 окт. № 247. С. 2; *Матич О.* Покровы Саломей: эрос, смерть и история / Авторизованный пер. с англ. О. В. Карповой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов / Сост. М. М. Павловой. М., 2004. С. 92—96. История постановки рассмотрена также в статье Н. Л. Дунаевой «Неосуществленная постановка „Саломей“ О. Уайльда на сцене Михайловского театра» (Записки Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки. СПб., 1999. Вып. 2. С. 51—68). См. также: *Чудновец М. И.* Церковь и театр. Конец XIX — начало XX в. М., 1970. С. 68. О возможном влиянии этого инцидента на судьбу постановки «Трагедии о Иуде...» см.: *Дубнова Е. Я.* А. М. Ремизов в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1992. М., 1993. С. 100; *Розанов Ю. В.* Драматургия А. Ремизова и проблема стилизации в русской литературе начала XX в. Вологда, 1994 (<http://www.booksite.ru>).

⁴⁴ Список источников пьесы Ремизов приводит в авторских комментариях к восьмому тому своих «Сочинений» (СПб., [1912]). См. также: *Климова М. Н.* «Трагедия о Иуде, принце

руководство театра отказалось от ее постановки на своей сцене, но в течение 1909 года продолжало искать выход из создавшейся ситуации. Прежде всего рукопись была переработана, и в цезурный комитет поступило драматическое произведение, написанное в жанре трагедии под названием «Проклятый принц». Эта пьеса представляла собой новую редакцию «Трагедии о Иуде...», в которой была полностью снята линия евангельского предательства, изменены имена главных персонажей, ассоциированных с христианским сюжетом (вместо принца Иуды — принц Гура, вместо игемона Ерусалимского Пилата — игемон Комарский Модей). Кроме того, историческая топонимика была заменена вымышленными названиями, значительной редукции и формализации подвергся также образ обезьяньего царя Асыки. Именно такая пьеса была дозволена к представлению цензурным комитетом уже 9 января 1909 года.⁴⁵ Тогда же, очевидно, состоялись переговоры с руководителем Старинного театра А. А. Саниным, в то время занимавшимся оперной режиссурой в антрепризе С. П. Дягилева. Об этом повороте событий упоминается в письме Н. Н. Рериха Ремизову от 12 апреля 1909 года.⁴⁶ Недавно избранный академиком Российской Академии художеств Рерих не только принял участие в судьбе драматического произведения Ремизова, но и согласился на предложение писателя проиллюстрировать публикацию в «Золотом руне».⁴⁷

Известные к настоящему моменту архивные и печатные источники позволяли довести описание истории неудавшегося в 1909 году спектакля до фактической точки, связанной с началом работы Рериха над эскизами для постановки «Трагедии о Иуде...». Публикуемые ниже письма Ремизова, хранившиеся до недавнего времени в парижском архиве писателя, высвечивают новый виток работы над пьесой в Театре на Офицерской, относящийся к весне 1909 года. Основные участники, за исключением сменившего Добужинского Рериха, те же: режиссер — А. П. Зонов, В. Ф. Коммиссаржевская в роли Ункрады, руководитель театра — Ф. Ф. Коммиссаржевский. В середине мая репетиционный цикл был завершен, и спектакль собирались повезти на предстоящие летние гастроли. Ожидали только декораций, которые еще находились в начальной стадии разработки (см. письмо от 14—15 мая в Приложении).

Таким уж выдался этот «холерный» 1909 год, что все творческие начинания писателя по какому-то роковому предопределению заканчивались печально. 22 ноября Ремизов получил от Зоннова известие о внезапном для группы театра решении В. Ф. Коммиссаржевской завершить театральную карьеру. Однако в этом письме режиссер не отказывался от продолжения работы над постановкой: «Насчет „Иуды“. Где-то буду, но надеюсь, что среди отсутствия репертуара на будущий год пьеса будет ходовой. Вообще все-таки досадно, что так вышло».⁴⁸ Уверения друга прозвучали для Ремизова малоубедительно, но в письме, отправленном Рериху в тот же день, еще теплилась надежда на чудо, которое бы изменило так несчастливо складывающуюся театральную судьбу его пьесы:

Искаротском» А. М. Ремизова и ее древнерусский источник // Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1985. С. 89—100; Герасимов Ю. К. Театр Алексея Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 187. Об источниках пьесы см. также: Розанов Ю. В. Драматургия А. Ремизова и проблема стилизации в русской литературе начала XX в.

⁴⁵ См. цензурный экземпляр пьесы (Гос. Театральная библиотека. № 30655).

⁴⁶ Опубл.: Дубнова Е. Я. А. М. Ремизов в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской. С. 100.

⁴⁷ Эскизы декораций и полотно Рериха «Ункрада» см.: Золотое руно. 1909. № 11—12. С. 20, 26, 37; Аполлон. 1910. № 7 (вклейка между с. 24 и 25).

⁴⁸ Цит. по: Дубнова Е. Я. А. М. Ремизов в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской. С. 100.

«Дорогой Николай Константинович!

Сегодня я получил уведомление, что В. Ф. Коммиссаржевская бросает сцену и театра своего, само собой, держать не будет, а откроет школу. А из этого всего выходит, что „Иуда” остался не при чем.

Подумайте, Николай Константинович, нельзя ли поправить дело: вызовите Санина, если находите (уместным) начать с ним дело, и переговорите. Санину, конечно, о Коммиссаржевской говорить не стоит.

Я так сжился с мыслью о Ваших картинках к „Иуде”, что не хочу бросать идею добиться постановки пьесы.

Рассудите все это сами и уведомите меня.

А. Ремизов». ⁴⁹

Финал истории с постановкой этой пьесы в 1909 году был предreshен грустным событием в культурной и театральной жизни, по причине которого, вероятно, произошла задержка печати (до середины февраля 1910 года) заключительного выпуска «Золотого руна» с публикацией «Трагедии о Иуде...»: 10 февраля скоростно скончалась В. Ф. Коммиссаржевская. Память об актрисе навсегда связалась для писателя с образом несыгранной ею Ункрады. ⁵⁰

Со времени сотрудничества с Мейерхольдом в антрепризе «Товарищество Новой драмы» (сезон 1903/1904 года) символический театр стал сферой особого притяжения Ремизова-драматурга, открывающей возможности реализации вызревшей в его сознании новой концепции театрального искусства. Но именно в 1909 году ему довелось почувствовать себя не творцом, а скорее, «материалом» символической драмы. В феврале волею обстоятельств Ремизов оказался на театральных подмостках в качестве участника постановки пьесы Федора Сологуба «Ночные пляски», которая осуществлялась силами символистского литературно-художественного бомонда. Первое сообщение о готовящемся спектакле появилось 2 февраля 1909 года в газете «Речь». В качестве «интригующих» здесь были указаны фамилии двух «мифотворцев» современности: «Великим постом состоится спектакль литераторов с участием, между прочим, Ал. Ремизова, С. Городецкого и др. Поидет под режиссерством Н. Евреинова новая пьеса Ф. Сологуба „Ночные пляски”, помещенная в декабрьской книжке „Русской мысли” за прошлый год». ⁵¹ Была какая-то доля иронического возмездия писателю за эксперименты с литературными «снами», сказавшаяся в распределении ролей: в этом представлении ему была предложена характерная роль «Кошмара», действующего в окружении двух других, аллегорически изображенных в пьесе сновидений, — сна «Мирного» и «Безмятежного». Согласно тексту пьесы, в первой картине второго действия они бродят по королевским опочивальням и, «навязываясь» Королевам и Юному поэту, в коротких репликах описывают отличительные особенности своей природы. Когда очередь доходит до последнего — кошмарного — сна, его исполнитель произносит: «А я Кошмар, хорошенкий, цепкий уродец».

Премьера состоялась 9 марта 1909 года. Дебют Ремизова прошел без злоключений, и с легким сердцем он признался организатору и устройтельнице постановки Ан. Н. Чеботаревской: «После „Ночных Плясок” целый день ходил окаянным, очень уж волновался. Одно утешение: этот первый и последний опыт мой выступления на театре не испортил пьесы». ⁵² Символистский театральный эксперимент

⁴⁹ ОР ГТГ. Ф. 44. № 1190. Публикуется впервые.

⁵⁰ См. очерк Ремизова «Бесприданница (В. Ф. Коммиссаржевская)» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 241—244). Долгожданная премьера спектакля под названием «Проклятый принц» и без цензурных изменений состоялась на сцене Театра имени В. Ф. Коммиссаржевской в постановке А. П. Зонина и В. Г. Сахновского только в 1916 году.

⁵¹ Речь. 1909. 2 фев. № 32. С. 3.

⁵² ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. № 230. Л. 9. Подробнее об этом см.: Обатнина Е. Р. Реалистический подтекст символической пьесы Ф. Сологуба «Ночные пляски» // Русская литература. 2010. № 2. С. 54—60.

не был омрачен и появившейся в печати насмешливой статьей А. А. Измайлова.⁵³ Участники и создатели спектакля практически не обратили на нее внимания. Между тем критик целенаправленно выступал против «псевдоискусства», которое, по мнению многих традиционалистов, предлагалось символистами обществу.

«Театральный» сюжет из жизни Ремизова в 1909 году можно было бы отнести к курьезным событиям личной биографии писателя, если бы участие в шумевшей постановке в то же время не являлось очевидным подтверждением его популярности в литературном мире Петербурга. Вместе с ним в спектакле была задействована литературная молодежь, с интересом влекущаяся к писателю, чей талант проявлялся в поиске новых литературных форм. Среди партнеров Ремизова по сцене, претендовавших если не на «роли» его учеников, то готовых стать ближайшими литературными «соратниками», были С. Городецкий, М. Волошин, А. Толстой, Н. Гумилев. С Городецким творческие отношения Ремизова начались еще в 1906 году, а его контакты с подружившимися между собой Толстым и Гумилевым укрепились именно в 1909 году. В конце предыдущего года оба появились в Петербурге «из дальних странствий возвратясь». В установлении столичных литературных связей они полагались на рекомендации Волошина. Так, в письме Волошину, относящемся к декабрю 1908 года, Толстой, рассказывая о своей жизни после возвращения в Петербург, упоминал о Ремизове: «Приняли меня очень хорошо, Алексей Михайлович сразу взял меня в ученики и обругал и обхвалил...»⁵⁴ Влияние Ремизова было столь очевидным, что об этом заговорили критики. В частности, Иванов-Разумник отметил в «очень милых» «Сорочьих сказках» Ал. Толстого, вышедших в свет в конце 1909 года, «отражения „Посолони“ Ремизова».⁵⁵

Возможно, знакомство Ремизова с Гумилевым состоялось в квартире Вяч. Иванова на Таврической, когда молодой поэт, по возвращении из первого африканского путешествия, 26 ноября 1908 года был впервые принят на «Башне». В тот вечер в присутствии других завсегдатаев ивановских «сред» Ремизов читал свои миниатюры в жанре «снов».⁵⁶ С этого времени и вплоть до своего отъезда в ноябре 1909 года во второе африканское путешествие Гумилев был частым гостем Ремизовых в Малом Казачьем переулке.⁵⁷ Довольно скоро между ними завязались

⁵³ Измайлов А. Ночные пляски // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1909. 10 марта. № 11000. С. 3—4.

⁵⁴ Первый наставник. Из писем Алексея Толстого Максимилиану Волошину / Вступ. заметка, сост. и комм. В. Купченко // Литературное обозрение. 1983. № 1. С. 110.

⁵⁵ Иванов-Разумник. Творчество и критика. СПб., [1911]. Т. II. С. 72. Сам Ремизов также выделял Толстого среди молодых писателей. Ср. характеристику, данную им в связи с рассказом Толстого «Два друга» (Альманах для всех. 1910. Кн. 1) в письме к П. Е. Щеголеву от 29 июля 1910 года: «Из появившихся за последнее время писателей мне больше всех нравится молодой граф Толстой Алексей. Одно меня пугает в нем, это его бездумье. Когда он нанизывает в повести факты, он совершенно не отдает себе отчета: зачем они и для чего. Получается то, что все факты врозь. Я думаю, это происходит не от неумения, а от чего-то еще и более важного. Можно ли научить его этому на мой взгляд самому важному, не знаю. Единственный раз, когда он не разбрёлся, это в рассказе, помещенном в Альм(анахе) д(ля) всех. Больше из писателей последнего времени я не назвал бы Вам никого (...» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479—1610. Л. 142 об.).

⁵⁶ См.: Брюсов В. Я. Переписка с Н. С. Гумилевым (1906—1920) / Вступ. статья и комм. Р. Д. Тименчика и Р. Л. Щербакова; публ. Р. Л. Щербакова // Лит. наследство. 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 486 (комм.).

⁵⁷ В начале знакомства с поэтом Ремизов даже пытался способствовать его литературной карьере. Так, в письмах к В. Э. Мейерхольду в конце 1908 года он рекомендовал Гумилева своему старому товарищу в качестве деятельного участника предполагаемого нового театрального проекта: «Дорогой Всеволод! Вчера я виделся с Константином Андреевичем (Сомовым), от которого узнал окончание „Лукоморья“. Я с ним говорил и Вам теперь пишу, что необходимо сделать пострее выбор участников дела. Обращаю Ваше внимание на поэта Гумилева, который может быть полезен делу. Адрес его: Николай Степанович Гумилев. Царское Село. Бульварная ул. Д(ом) Георгиевского. Его очень интересует театр и он всегда готов будет приезжать из Ц(арского) С(ела) в Петербург (...)» (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. № 2303. Л. 12). О новом театре Мейерхольда в связи с закрытием кабаре «Лукоморье» см. недатированное письмо Толстого Волошину (Первый наставник. Из писем Алексея Толстого Максимилиану Волошину. С. 110).

тесные отношения, причем Гумилев подчеркнуто выражал свой пиетет. О специфическом стиле общения, очевидно, строившемся по модели «мастер—ученик», косвенно свидетельствует письмо Гумилева к Ремизову от 9 февраля 1909 года: «Многоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович, Ваше письмо застало меня совсем больным. Я довольно распростудился и не выхожу из дому, а поэтому и лишен возможности служить Вам, как обещал». ⁵⁸

Гумилев и Толстой старались привлечь Ремизова к своим литературным начинаниям. В 1909 году таким «общим делом» стал для них журнал «Остров». И хотя в этом издании, посвященном исключительно современной поэзии, публикация прозаических произведений Ремизова не предполагалась изначально, его мнение и литературные связи пригодились организаторам, в частности, при составлении списка сотрудников. ⁵⁹

Интерес Ремизова к творческому потенциалу молодежи, внутренне готовой внести обновление в сложившуюся к 1909 году литературную ситуацию, подкреплялся собственной потребностью писателя в создании новых художественных форм, которые нередко возникали на пересечении разных литературных направлений. В то же время культивируемая Ремизовым необычная манера поведения, его экстравагантный внешний образ в сочетании с особым строем художественного мышления, ориентированного на поиск новой эстетики, — все это в совокупности создавало сильное магнитное поле, притягивающее подрастающее поколение новаторов, стоящих на пороге революционных преобразований в литературе. Так в круг общения Ремизова вошли еще «неоперившиеся» авангардисты — Велимир Хлебников и младший брат «отца русского футуризма» Давида Бурлюка Николай.

Упоминания о визитах в Малый Казачий переулок «робкого студента» Хлебникова, в то время еще мирившегося с данным при крещении именем Виктор, в оригинальных письмах Ремизова за 1909 год представлены крайне скупо. Поэтому контекст и особенности их творческих контактов приходится восстанавливать по косвенным источникам. Хлебников, как и вышеупомянутые молодые знакомые Ремизова, в литературном Петербурге был еще человеком новым и неопытным, хотя в силу своей целеустремленности и творческой энергии он искал и находил признание в кругу символистов, и прежде всего на «Башне» Вяч. Иванова, где осенью 1908 года произошло его знакомство с Ремизовым. Характерно, что если на Таврической у Иванова Хлебников демонстрировал свой стихотворный потенциал, достигая науку поэтического мастераства, то общение с Ремизовым было для него возможностью совместного практикума в увлекавшей обоих словесной археологии и истории. Хлебников был несомненным уникалом. Его, по сути, феноменологический путь творческого познания жизни лежал через поэтический эксперимент, направленный на раскрытие подлинного смысла явлений, обозначенных в языке, и изучение мифологических корней. ⁶⁰ Отчетливые воспоминания о встречах с поэтом-авангардистом, очевидно, пробудились в Ремизове при обращении к кратким описаниям из собственных писем, адресованных жене в 1909 году.

Переписка Ремизова с литературными корреспондентами выявляет его деятельное участие в судьбе первых произведений Хлебникова. В частности, благодаря этому посредничеству в начале 1909 года на суд М. А. Кузмина была представ-

⁵⁸ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 130. Ср. воспоминания Ремизова, в иронической стилистике которого, очевидно, сказалась «африканская» тема, ассоциированная с образом поэта: «В Казачьем появился Н. С. Гумилев и некоторое время „до Абиссинии“ находился в „рабстве“» (Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 62).

⁵⁹ См. выдержки из переписки Ремизова и Ходасевича в связи с журналом «Остров»: Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 324.

⁶⁰ О творческих сближениях Ремизова и Хлебникова см.: Баран Х. К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 191—210.

лена драматическая сказка «Снежимочка», сочетавшая в своей поэтике элементы символистской мистерии и мифологию архаического славянского мира. Судя по недатированному письму Ремизову, новое переложение сказки Островского в исполнении безвестного поэта оставило Кузмина равнодушным,⁶¹ в отличие от хлебниковской поэзии, которую он довольно скоро услышал из первых уст и назвал «гениально-сумасшедшей».⁶² Не исключено, однако, что на тот момент самого Хлебникова более всего интересовало мнение о его пьесе автора «Посолони» — книги, в поэтике которой фольклорная составляющая была органической частью авторского самовыражения. Во всяком случае, сохранилось письмо Хлебникова В. В. Каменскому от 10 января 1909 года, содержащее вопрос: «Что говорит Ремизов о моей „Снежимочке“? Если будете, Василий Васильевич, то не поленитесь, спросите».⁶³

Возможно, с зимы 1909 года Ремизов и Хлебников не встречались, так что, когда поэт появился в Малом Казачьем переулке в конце мая, первоначальный интерес к нему уже был утрачен. В письме от 24 и 31 мая читаем о визите «робкого студента», «который слова сочиняет», и упоминание о том, что Хлебников был на «Башне» и «показывал» собственное стихотворение, написанное «для Вяч. Иванова».⁶⁴ Рассказ о новом знакомом получает более живое оформление в авторской редакции 1945—1948 годов: Ремизов вспоминает о совместных с Хлебниковым исследованиях этимологии и об истолковании архаических и диалектных слов русского языка. Здесь же прилагается копия выписок Хлебникова из генеалогических источников, свидетельствующая об интересе молодого поэта не только к личности писателя, но и к генеалогии рода С. П. Ремизовой-Довгелло.

Мифологический мир писателя притягивал Хлебникова настолько, что в его поэтическом сознании возник некий сказочный двойник Ремизова — его имя складывалось из образов «посолонных» сказок — «Глубокоуважаемый Ати Нежить Мохоелич».⁶⁵ Уезжая из Петербурга в Святошино 10 июня, Хлебников счел необходимым навеститься в Малый Казачий переулок. Встреча была грустной: настроение писателя в это время омрачил очередной критический выпад Ирмайлова по поводу «Бедовой доли». Сопереживание Ремизову не оставляло Хлебникова до вечера и даже отразилось в прощальном письме, адресованном с Царскосельского вокзала другому своему «учителю» — Вяч. Иванову. В последних строках он обмолвился: «Сегодня я видел Ал. М. Ремизова. Его, кажется, заставляют грустить нападки печати».⁶⁶ Прозвучавшее в письме искреннее сочувствие писателю вскоре проявилось в более конкретных формах, когда после появления статьи «Писатель или списыватель?» Хлебников выразил желание постоять за оскорбленную честь Ремизова, обвиненного в плагиате. Молодой человек, отчасти благодаря своим экстраординарным способностям, продуцировал довольно экстремистские по выражению идеи. Одна из них имела панславистский «замес» и сводилась к защите национальных ценностей. По этой причине обвинение Ремизова в плагиате было воспринято им, по меньшей мере, как посягательство на основы национальной культуры. Обнаружив в печати обличительную статью Мих. Мирова, в письме Каменскому поэт патетически, подобно романтическому рыцарю, охваченному благородным порывом

⁶¹ Фрагмент ответного недатированного письма Кузмина Ремизову см.: Парнис А. Е. Хлебников в дневнике М. А. Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 160.

⁶² Кузмин М. Дневник 1908—1915 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 169.

⁶³ См.: Хлебников В. Неизданные произведения / Поэмы и стихи — ред. и комм. Н. Харджиева; проза — ред. и комм. Грица. М., 1940. С. 355.

⁶⁴ Предположительно, единственное известное посвящение Иванову — стихотворение «Зверинец».

⁶⁵ Именно так Хлебников именует Ремизова в письме Каменскому от 8 августа 1909 года (см.: Хлебников В. Неизданные произведения. С. 358).

⁶⁶ Там же. С. 357.

вом, немного путаясь в образных ассоциациях и литературных штампах, роящихся в его сознании, описывал собственное восприятие сложившейся вокруг Ремизова ситуации и излагал ближайший план действий: «На писателя падает, как гром, обвинение грязного листка в плагиате, и писатели шарахаются, как бараны, от звука бича, а писатель смиренно чуть ли не в коленопреклоненной позе молит не бить по другой *<sic!>*. Это же бесчестье! Я не могу позволить тем, кому я дарю дружбу, безнаказанно давать себя оскорблять. Честь должна быть смыта *<sic!>*. Если Алексей Михайлович не хочет гордо искать удовлетворения, то он должен позволить искать удовлетворения его друзьям. *<...>*. Итак еще раз: я был бы гордым встать у барьера за честь Ал*<ексея>* М*<ихайловича>* и за честь вообще писателя». ⁶⁷ Специфическое понимание инцидента толкало поэта на самые решительные действия, а воображение уже рисовало картины яростных битв: как он поднимает восстание мифических гайдамаков в защиту «русского писателя», автора «Посолони» — книги, обращенной к традициям и обычаям русского народа. К счастью, Хлебников был художником, подлинная жизнь которого протекала в творчестве, так что слова так и остались словами. ⁶⁸

Душевная драма, перенесенная Ремизовым после статьи Мих. Мирова, была изжита в процессе создания повести «Крестовые сестры» (1910), в образах персонажей и сюжетных коллизиях которой отражены реальные лица и события «холерного» года. Именно на страницах этой повести появляется герой, черты которого ассоциируются с образом поэта-футуриста. ⁶⁹

В отличие от сюжета с Хлебниковым, подробно освещенным историками литературы, на периферии хронографического описания событий 1909 года в жизни Ремизова находится не имевший значимых последствий эпизод, касающийся имени другого представителя нарождающегося футуризма, такого же, как и Хлебников, недавнего провинциала Николая Бурлюка. Этому начинающему поэту Ремизов также покровительствовал в литературной среде. Так, 23 сентября 1909 года он писал Гумилеву:

«Дорогой Николай Степанович!

Появился в Петербурге студент первокурсник брат тех Бурлюков, которые картины квадратиками пишут; я хотел бы его познакомить с Вами. Он пишет стихи и нуждается в руководителе.

Назначьте день и час на той неделе у нас, я его изведу и он явится. Он очень скромный и внимательный и будет послушным и будет примерным учеником *<...>*». ⁷⁰

Оценивая личные творческие устремления Ремизова в 1909 году, мы можем отметить отчетливую потребность писателя принимать участие в общем литературном процессе, где уже намечалась смена эстетических течений — от символизма к акмеизму, с одной стороны, и формирование футуристического направления, с другой.

После июньской «встряски», произведенной статьей Мих. Мирова, конец июня и начало июля Ремизовы провели в путешествии по Волге, которое с ними разделили поддерживавшие писателя в это трудное лето Иванов-Разумник и его жена. Маршрут речного круиза пролегал через Кострому, куда пароход прибыл

⁶⁷ Там же. С. 358—359.

⁶⁸ Подробнее о взаимоотношениях Хлебникова и Ремизова см.: Баран Х. К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников. С. 193.

⁶⁹ Подробнее см. об этом: Данилевский А. А. *A realioribus ad realia // Литература и история: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1987. С. 110—112 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 781).*

⁷⁰ Цит. по: Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 230.

25 июня.⁷¹ Наконец, Ремизову представилась возможность навестить своего знакомого археолога и собирателя памятников древней книжности И. А. Рязановского.⁷² Впечатления от общения с этим неординарным человеком, специализировавшимся на бытовой истории русской провинции, легли в основу повести «Неуемный бубен», созданной в самом конце 1909 года.⁷³ Упоминание о повести встречается во вступлении к третьей части главы, в связи с чтением этого нового произведения в редакции только что образованного журнала «Аполлон». Относя это событие к поздней осени 1909 года, Ремизов допускает временную аберрацию, которая впервые возникла на страницах книги «Кукха. Розанову письма» (гл. «Язва) и закрепилась в тексте романа «Петербургский буерак» (гл. «На большую дорогу (Моя литературная карьера)», рассказ «6. Крестовые сестры».⁷⁴ Этот временной сдвиг произошел из-за убеждения Ремизова в том, что отказ редакционной коллегии опубликовать повесть был прямым следствием истории с его обвинением в плагиате.⁷⁵

Вторая часть («Москва») описывает неделю, проведенную Ремизовым в родном городе.⁷⁶ На этот раз он поселился в московской квартире своего брата Сергея и сразу оказался в ситуации неразрешимой семейной драмы: жена Сергея Михайловича Варвара Федоровна объявила мужу о своей любви к другому человеку и решении уехать вместе с дочерью Еленой в Пензу. Семья, распавшаяся на глазах писателя в августе 1909 года, больше никогда не воссоединилась. Эти обстоятельства накладывали дополнительный депрессивный отпечаток на душевное состояние Ремизова, литературные дела которого в Москве были отягощены скандалом, связанным с обвинением в плагиате. Ему предстояло восстановление своего писательского реноме практически на всех уровнях общения — от родственников и знакомых до литераторов. Каждая встреча с москвичами сопровождалась скрытым или произнесенным вслух вопросом: верят в обвинение или нет? Однако в не меньшей степени Ремизов испытывал потребность очистить собственное честное имя перед Москвой своего детства и юности. Для главы семьи Найденовых—Ремизовых, председателя Московского Биржевого Комитета Н. А. Найденова имя племянника Алексея перестало существовать с 18 ноября 1896 года, когда он был арестован во время студенческой демонстрации.⁷⁷ Это отношение сохранялось и в семье А. Н. Найденова, принявшего после смерти отца в 1905 году все его финансовые и общественные дела. Поэтому в один из дней Ремизов направился не в дом своих именитых родственников, а на Биржу — в круг банковских служащих, среди кото-

⁷¹ См.: Ремизов А. М. Адреса его и маршруты поездок // РНБ. Ф. 634. № 3.

⁷² См. о нем: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 131—133.

⁷³ Историю текста см. в комментарии А. М. Грачевой к этой повести: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2014. [Т. 11]: Зга. С. 612—634.

⁷⁴ О хронологическом сдвиге, коснувшемся эпизода с чтением «Неуемного бубна» в редакции журнала «Аполлон», см.: Обатнина Е. Р. Неочевидный смысл очевидных фактов: А. М. Ремизов и журнал «Аполлон» // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова / Сост. А. Лавров и О. Лекманов. М., 2011. С. 329—340. Аналогичная ситуация возникла и с отклонением повести в издательстве «Мусажет», которое тоже относится к 1910 году.

⁷⁵ См. также сообщение об «Аполлоне» в рубрике «Литературная летопись» (Речь. 1909. 21 сент. № 259. С. 3). Не обнаружив в приведенном объявлении своего имени среди сотрудников этого журнала, Ремизов в письме Гумилеву от 23 сентября 1909 года просил выяснить, действительно ли он не включен в их число, или произошло досадное недоразумение (см.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова. С. 82).

⁷⁶ Согласно итинерарию писателя за 1909 год, в Москве Ремизов находился с 22 августа по 11 сентября. Сохранились его письма к жене до 25 августа включительно. 27 и 28 августа он написал лишь краткие записки, поджидая приезда Серафимы Павловны, которая в это время находилась в пути из Берестовца в Москву. 12 сентября они вместе вернулись в Петербург.

⁷⁷ Подробнее об обстоятельствах его ареста см.: Грачева А. М. 1) Революционер Алексей Ремизов. Миф и реальность // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 419—447; 2) Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 13—16.

рых многие знали его еще ребенком. Здесь незапятнанность деловой репутации человека, принадлежавшего к известному купеческому роду, составляла основное содержание кодекса чести. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что выходец из купеческого рода, писатель Ремизов пришел на Биржу — в мир капитала и коммерции, чтобы восстановить доверие к своему литературному имени, спросив знавших его с рождения, верят ли они его «слову». Оскорбленная обвинением в профессиональной нечестности совесть Ремизова нуждалась в защите людей, далеких от литературного ремесла, но составлявших общность, причастную к его родовым корням. Завершилась эта «оперная», по собственному определению Ремизова, сцена, перемежавшаяся хоровой кодой «Ве-рим!», непререкаемой истиной, изреченной старейшиной: «Старик Грибов сказал: „Из семьи Найденовых и Ремизовых воры не выходят, ошибаетесь!“» Примечательно, что подробности объяснения Ремизова перед московской купеческой гильдией появились лишь в поздней переработке текста оригинального письма от 25 августа, где вместо сюжета про Биржу находим лишь краткое перечисление действий: «Из „З(олотого) Р(уна)“ в Биржу пошел и с Сергеем к Виктору». Позднее фрагмент из рукописи «На вечерней заре» практически без изменений был перенесен в рассказ Ремизова «Плагатор», который стал частью главы «На большую дорогу (Моя литературная карьера)» в не опубликованном при жизни писателя романе «Петербургский буерак».⁷⁸

Наличие обширных дополнений в рукописи Ремизова «На вечерней заре» говорит само за себя: исходные письма являлись для писателя лишь источником отдельных фактов и событий, однако психологические коллизии, стоявшие за ними, извлекались из глубин его памяти и недр литературной фантазии. Создавая автобиографическое произведение, каким по жанровой принадлежности должна была стать рукопись «На вечерней заре», писатель в значительной степени «олитературивал» фактографию событий собственной жизни. Возможно, какие-то реальные случаи, относящиеся ко времени эпистолярия, оказались не упомянутыми в письмах Ремизова к Серафиме Павловне (несмотря на практически почасовое описание прожитых в разлуке с женой дней) как события не столько фактические, сколько психологические, требующие более искусного описания, чем просто перечисление ежедневных хлопот и дел. Отчасти поэтому отсутствие в письме-оригинале описания визита на Биржу объясняется желанием оставить его для подробного устного рассказа,⁷⁹ который вскоре стал довольно популярным среди литераторов, защищавших писателя в деле о плагиате. Так, по возвращении из Москвы Ремизов, предваряя личную встречу с Волошиным, намеревавшимся выступить в печати в его защиту, кратко описал размах страстей, бурливших вокруг обвинительной статьи Мих. Мирова: «В Москве большие были споры: на Бирже, на Ильинке, в Таганке в трактире Иванова, и в нескольких пивных. Делились на партии и друг с другом уже цапались. Это надо рассказать Вам сцены».⁸⁰ Примечательной была и реакция Вяч. Иванова, который якобы сравнил эпизод на Бирже с биографическим сюжетом из жизни Микеланджело. Упоминание об этой исторической параллели встречается только в авторском комментарии к письму от 25 августа и не имеет других документальных подтверждений: «Помню, когда я рассказал эту сцену на Бирже Вяч. Иванову, он пришел в восхищение. Ему напомнило случай с Ми-

⁷⁸ Ср. описание этой сцены с характеристикой «оперная»: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 189—192.

⁷⁹ Конспективная краткость оригинальных писем Ремизова от 25, 27 и 28 августа объясняется также двумя причинами. Во-первых, в этот и два последующих дня все мысли и время, когда он имел возможность писать, были посвящены сочинению ответного «Письма в редакцию» с опровержением предъявленных обвинений. Во-вторых, он не собирался отправлять писем жене, поскольку ожидал ее приезда в Москву через два дня, и его записи 25 августа были сделаны, скорее, для собственной памяти, нежели для сообщения.

⁸⁰ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 3. № 1020. Л. 19 (письмо от 3 октября).

кель-Анжелло. Да, такое бывает не часто, а уж как мне памятно».⁸¹ Не исключено, что содержание этой ремарки было частью писательского замысла, а не реальным событием.

Существенным дополнением к содержанию оригинальных писем конца августа в рукописи «На вечерней заре» стали также два «московских» сюжета: встреча Сергея Ремизова с Адель Рюккерт и описание званого вечера у брата Николая в редакциях писем от 25 и 27 августа. Эти фрагменты, также претендующие на статус самостоятельных миниатюр, заключают в себе авторское стремление показать, как жизненные обстоятельства заставляют человека верифицировать собственную судьбу и поступки, выдвигая против привычной или принятой версии неожиданную контрверсию. В первом случае Ремизов иллюстрирует подобную жизненную «модель» на примере сюжета о безответной любви. Встреча со старшей из дочерей медалера Рюккерта (зятя Виктора Ремизова, женатого на младшей — Иде Рюккерт) случается как раз после того, как брат Сергей устроил на вокзале бравурные проводы своей жены, порвавшей с ним семейные узы. Адель Рюккерт появилась в гостях у Виктора и Иды ради встречи с Сергеем, в которого была влюблена с юности. Тайну этой, скрываемой долгие годы любви она доверила много лет назад только Алексею Ремизову. Этот эпизод, возможно, имел место в те последние дни августа 1909 года. Однако рефлексия писателя оформилась «post factum», когда в течение трех лет (1945—1948) он обрабатывал свои давние письма: «Как это странно все, подумал я, — дикая своенравная судьба! — женись Сергей на Адель, и все было бы по-другому: ведь только тот, кто любит, может поднять человека. А теперь еще не поздно? Но переводя глаза с Адель на Сергея, сказал себе: „пропущены все сроки”».

Несколько сложнее природа психологической подоплеки в эпизоде, возвращающем читателя к основной тематической линии 1909 года — обвинению писателя в плагиате. Неожиданно Ремизову раскрылось, что, кроме двух противостоящих позиций: писатель и обвинитель, существует еще одна, ниспровергающая честность литературного труда как такового. Текст оригинала письма представляет собой краткую констатацию двух событий, внешне не связанных между собой: визит к брату и сочинение «Письма в редакцию» с опровержением предъявленных Мих. Мировым обвинений в плагиате (ср.: «Был у Николая. Вечером кончил письмо»). В авторской редакции текст письма получил значительное распространение, касающаяся встречи с Николаем. Оказывается Николай Михайлович Ремизов, занимавший в московском деловом мире высокие должности, устроил званый обед с шампанским, желая отпраздновать «реабилитацию» своего младшего брата в глазах московского купечества. Однако здесь же выясняется, что версия Алексея Ремизова, выступившего в защиту собственной чести, подверглась весьма циничному подозрению, будто вся история с плагиатом была подстроена самим писателем (по мнению родственников, не добившимся в литературном ремесле значительных успехов) — для скандальной «рекламы». Когда же «виновник торжества», пытаясь опровергнуть это мнение, сообщил о намерении опубликовать собственное опровержение, от Николая последовал еще более убийственный, чем высказанное подозрение, прогноз: «„Брось, — сказал он на прощанье, — на всякое чиханье не наздравствуешься, — опровержение всегда сопровождается примечанием, не забывай. Теперь ты ходишь гордо, а там тебе навесят ярлык”. „Но я согласился”. „Как знаешь, не прошибись. А ловко ж ты это подстроил!” — повторил он вдогонку».

Этот сюжет так и остался на страницах рукописи «На вечерней заре». Однако тема «взгляда со стороны», предлагающая контрверсию изложенных Ремизовым событий, проявляется в романе «Петербургский буерак», где история с плагиатом также образует ключевое событие литературной биографии писателя. Здесь в роли «подозревающего» Ремизова в двойной игре выступает известный в литературном

⁸¹ См. продолжение публикуемой ниже главы «На вечерней заре» (Русская литература. 2015. № 4).

мире пройдоха А. И. Котылев, образ мыслей которого писатель раскрывает следующим образом: «А ведь Котылев, как оказалось, убежден, что я содрал сказку и попался».⁸²

В интродукции к главе Котылев назван в числе основных действующих лиц событий 1909 года. Амбивалентные свойства характера, а также этимология его фамилии, переосмысленная Ремизовым в духе народной мифологии (своеволие льва и хитроумность кота), позволили писателю создать образ героя под именем Кот-и-Лев дважды: в сказке «Волк-Самоглот»,⁸³ где под этим именем упоминается зверь «страшный, усатый», и в легенде «Никола Чудотворец» (1916), одноименный персонаж которой сочетает в себе два качества своего прототипа: «море ему по колено и на догадку горазд».⁸⁴ Котылев был фигурой сколь комической, столь и скандальной. Промышляя посредничеством между бульварными изданиями и литераторами, он имел кое-какой навар за свои старания. Ср. авторский комментарий, помещенный в контекст письма от 16 мая 1909 года: «А. И. Котылев отчаянный человек, „каторжник“, а <sic!> мой покровитель: его все боялись; конечно, за помещение моих сказок он брал себе процент, но без него мне некуда было». Действительно, Ремизов общался с ним не от хорошей жизни, пытаясь избежать роли писателя-«просителя». Ведь, по правде сказать, ему довольно часто задерживали гонорар или же отказывали в публикации небольших произведений, которые были востребованы на страницах повременной печати. В свою очередь, Котылев и впрямь понимал свои отношения с Ремизовым как дружеские, в силу чего он, покровительствуя писателю, иной раз переходил все границы приличия. Каково было действие силовых приемов этого литературного Робин Гуда, становится ясно по возмущенной реакции редактора «Нового журнала для всех» Н. А. Бенштейна, выступавшего в печати также под псевдонимом Архипов. Его письмо Ремизову, вероятно, связанное с намеченной публикацией в журнале народной сказки «Ослиные уши» в пересказе писателя,⁸⁵ свидетельствовало о том, что чаша терпения переполнилась.

16 ноября 1908 года Бенштейн писал Ремизову:

«Многоуважаемый Алексей Михайлович,

Считаю своим долгом довести до Вашего сведения нижеследующие обстоятельства, к которым, я полагаю, и Вы косвенно причастны.

Г. Котылев вот уже вторую неделю *требует* у меня для Вас аванс в размере 50 руб(лей). В этом есть две странности: во 1-ых, этот господин действует от Вашего имени, не представляя <sic!> никаких доказательств Вашего уполномочия; во 2-ых, он не просит, а *требует*.

Но со всем этим можно было бы примириться, зная приемы г. Котылева, если бы не предел наглости, которой нельзя даже простить и такому господину. В субботу Котылев обратился ко мне с требованием, выраженным в крайне дерзкой форме; он требовал все те же 50 руб(лей) для Вас и в противном случае, угрожая делать мне всякие гадости и вообще мстить безудержно, грозя привлечь к себе в помощь еще одного человека, крайне подозрительного.

В ответ на этот явный шантаж я погрозил этому господину прокурором и прервал с ним всякие переговоры.

В настоящее время мне и редакции было бы очень интересно знать: уполномочили ли Вы Котылева на требование с меня аванса, и если да, то имели ли *Вы в виду именно такие способы получения?*⁸⁶

⁸² Ремизов. А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 187—188.

⁸³ Впервые: Ремизов. А. К. Морю-Океану: Волк-Самоглот // Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни. 1911. № 2. Стлб. 89—96.

⁸⁴ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 6: Лимонарь. С. 237.

⁸⁵ Новый журнал для всех. 1909. № 3. С. 91—92 (с прим. автора).

⁸⁶ Подчеркнуто Ремизовым красным карандашом.

Крайне обяжете ответом.

Уважающий Вас Н. Бенштейн

P.S. Редактором журнала состоит В. А. Поссе.

PP.SS. Относительно г. Котылева я принял самые серьезные меры и если он немедленно же не извинится, то ему придется считаться с весьма неприятными последствиями.

Idem». ⁸⁷

Рукопись «На вечерней заре» содержит несколько дополнительных штрихов к поведенческому портрету Котылева, сделанных Ремизовым в процессе редактирования писем 1909 года. Эта работа легла в основу рассказа «Разоблачение», включенного в состав главы «На большую дорогу (Моя литературная карьера)» романа «Петербургский буерак». Однако в контексте эпистолярного романа некоторые сюжеты с участием Котылева первоначально имели иную модификацию. В частности, текст «На вечерней заре», в отличие от канонической версии этой истории, ориентированной на литературные аллюзии, ⁸⁸ предлагает другой вариант поступка, на который был способен Котылев, преследуя, казалось бы, две несовместимые цели: разжигание общественного скандала и восстановление справедливости. В большом введении к письмам, написанным в течение осени-зимы 1909 года, находим описание сцены, вполне возможно, отразившей реалистичный финал истории о плагиате: «А. А. Измайлов больше не показывается в театре после выразительной сцены: в антракте к нему подошел Котылев, за которым стеной поднялись его оголтелые подручные мелкие репортеры по скандальным и пожарным происшествиям. „За Ремизова — сказал Котылев и поднял кулак, — мерзавец!” — и, оборотясь к свите: „Плюнул бы в рожу, да слюней жалко, кладбищенская падаль!”» ⁸⁹

Резюмируя биографический контекст жизни Ремизова, с уверенностью можно сказать, что основным положительным литературным итогом 1909 года, несмотря на весь пережитый писателем стресс, стала публикация «Письма в редакцию», написанного в защиту собственного авторского метода. Вопреки ожиданиям литературных «стратегов» и «тактиков», его статья-опровержение оказалась по содержанию гораздо шире, чем самооправдание. На деле была написана статья-манифест с продуманной программой взаимодействия современной литературы и народного творчества.

Как пронизательно заметил очевидец событий, кстати, уверенно называвший имя Измайлова и вместе с тем не разделявший методов Ремизова, «виноватым оказался вовсе не Ремизов, а его обличитель — Измайлов (Миров)». ⁹⁰ Вокруг Ремизова образовался круг «друзей-защитников», в числе которых были М. Пришвин, С. Городецкий, Н. Гумилев, М. Волошин, В. Хлебников, поднявшие имя писателя на щит. В своем объединении вокруг Ремизова они руководствовались не только личным расположением к писателю, но и убеждением в необходимости литературного новаторства, основанного на бережном сохранении народного творчества.

Письма Ремизова к жене зафиксировали ход довольно тяжело продвигающейся творческой работы, которая в 1909 году преимущественно была связана с шлифовкой черновых рукописей. В частности, еще в начале года в журнале «Золотое

⁸⁷ Тот же (лат.). Цит. по: РНБ. Ф. 634. № 48. Л. 1—1 об. Ср. упоминание об этом инциденте, которое в контексте романа «Петербургский буерак» отнесено к событиям 1910 года: «...Котылев мордобоем принудил Н. А. Бенштейна (Архипова), редактора „Нового Журнала для Всех“, послать мне аванс 50 рублей» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 195).

⁸⁸ См.: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). С. 106.

⁸⁹ Ср. также описание brutальных методов обращения Котылева с издателями, в результате которых был выпущен в свет сборник Ремизова «Рассказы» (СПб.: Прогресс, 1910), в инскрипте Ремизова на форзаце этого издания (Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 17).

⁹⁰ Подробнее об этом см.: Письма В. В. Гофмана к А. А. Шемшурину. С. 257.

руно» была анонсирована повесть «Недобитый соловей», созданная по воспоминаниям Серафимы Павловны о детстве и юности на Украине. Однако подготовить к печати это произведение в 1909 году так и не пришлось. Впервые в формате рассказа оно увидело свет только в составе романа «В поле блакитном» (1922).

Несмотря на драматические коллизии литературной жизни, в конце 1909 года, наконец, повеял ветер перемен к лучшему. Стараниями небезызвестного Котылева Ремизову удалось добиться издания авторского сборника, который он еще в процессе подготовки к печати называл «Караван-Горюн», а затем, возможно, памятуя о неприятностях с циклом снов, озаглавленных «Беловая доля», дал ему самое что ни на есть простое название «Рассказы». Книга вышла в свет в издательстве «Прогресс» в ноябре 1909 года, а на ее титуле значился уже 1910 год. Вместе с тем несомненным творческим прорывом писателя из круга неудач и мучительной рефлексии стала работа над повестью «Неуемный бубен» (первоначальное название «Неугомонное сердце»), которая вчерне была завершена в декабре. Вскоре о ней заговорят как о произведении, в котором зазвучала русская речь во всей ее ритмической самобытности и образности.⁹¹

Третья часть главы из рукописи «На вечерней заре» возвращает читателя в петербургский контекст 1909 года и представляет собой переработку текстов бытовых записок писателя жене, написанных к ее возвращению домой.

Особого внимания заслуживают здесь зарисовки Ремизова, связанные с петербургским топосом. Место действия, как и в первой части — Малый Казачий переулок, дом на Фонтанке, ставший прообразом «Буркова дома» из повести «Крестовые сестры» (1910). Характерно, что встречающиеся в майских письмах Ремизова описания деталей унылого пейзажа, открывавшегося из окна квартиры писателя, в развернутом виде вошли в текст повести, созданной в результате сильнейшего психологического надрыва после обвинения в плагиате. Убывающий день ото дня каменный уголь, насыпанный во дворе соседствующей с «Бурковым домом» Обуховской больницы, несколько деревьев, да возникающие на месте угольной кучи больничные палатки — вот неизменные и скупые приметы петербургского лета и такой же неизменной безрадостной и тревожной жизни писателя в 1909 году. В повести «Крестовые сестры» смена сезонов соответствует аналогичным переменам во времени и пространстве.⁹²

Записки, оставленные писателем к приходу жены, в это время готовящейся к поступлению в Императорский Археологический институт, свидетельствуют о крайне плачевном состоянии его здоровья, которое было усугублено тяжелым финансовым положением, возникшим вследствие редакционно-издательского остракизма по отношению к ремизовским произведениям. Дружеская поддержка пришла с наименее ожидаемой для Ремизова стороны — от Мережковских, как будто игнорировавших историю о плагиате, и Д. В. Философова, который, напротив, неизменно проявлял к писателю самые добрые чувства.⁹³ В конце 1909 года состоялся вечер чтения в особняке баронессы Варвары Ивановны Иксуль фон Гильдебрандт, державшей в Петербурге известный литературно-художественный салон. Неафишируемой целью этого литературного мероприятия был сбор средств в пользу Ремизова. Развернув самую активную подготовительную деятельность и созывая литературные силы, Гиппиус обратилась с просьбой к Федору Сологубу: «Вот какое дело: мы устраиваем дружеский вечер для помощи совсем больному Ремизову.

⁹¹ См., в частности, письмо Пришвина Ремизову от 2 июня 1910 года с впечатлениями после прочтения «Неуемного бубна» (Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 178).

⁹² Ср.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачужная канава. С. 111.

⁹³ См. историю их отношений: Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 366—422. См. также статью Философова «Возрождающийся Афанасьев» (Речь. 1914. 27 янв. № 26. С. 2), в которой история с обвинением писателя в плагиате описана как результат невежества безвестного критика.

(Имя не произносится вслух). Участвуют только его действительные друзья, которые сделают это от доброго сердца, по товарищески, а не так себе. Будем, значит, мы трое, Блок, Иванов (если встанет), Мейерхольд... С вами хотела я говорить в первую голову, да вот нет вас! Вечер назначен 14 Декабря, у баронессы Иксуль (Кирочная, 18). Билеты («чашка чаю») уже отпечатаны, их 70, по 5 р(ублей), а программы еще нет. Вы понимаете, милый мой Чарник, что без вас никак нельзя. Читайте, что хотите: рассказ большой, рассказ маленький, сто стихотворений, одно стихотворение — воля ваша; больше — лучше для нас. Обожающих вас курсисток увы! не будет. Будут, очевидно, „графья да князья”, но что же делать, так лучше для Ремизова, а ведь все это для него. (...) Р. С. Если у вас есть добрые бога-чи, которые захотели бы придти на вечер — скажите, я пришлю билеты».⁹⁴

14 декабря ничего не подозревавший Ремизов получил от Д. В. Философова обычное приглашение присоединиться к общей компании: «Приходите сегодня к нам в 8—8 ½ ч(асов) вечера. Мы вместе пойдем к Иксуль».⁹⁵ В своих воспоминаниях Гиппиус восстановила этот эпизод: «Не так давно вошедший в литературу талантливый писатель Ремизов оказался этой зимой в бедственном положении. Когда-то он был секретарем журнала „идеалистов”, жил с женой (большой нашей приятельницей) и новорожденным ребенком в редакции... Но теперь был в нужде, и мы вздумали устроить для него частный вечер. Дм. С. обратился к верному другу — очаровательной баронессе Иксуль, — и, с ее содействием, был устроен единственный в своем роде вечер, в ее собственном особняке (уж не у Аларчина моста, а в белом двухэтажном доме, прямо против Кирочной, в двух шагах от нас)».⁹⁶

Депрессивные настроения Ремизова в конце 1909 года сказались на характере писем, которые хоть формально и были адресованы жене, но поскольку писались во время ее недолгих отлучек из дома, скорее, представляли собой литературные зарисовки «с натуры», сделанные по впечатлениям кратких деловых перемещений по Петербургу. Гипотетически они уже были ориентированы на основной типаж будущего произведения — «крестовых сестер» — женщин с трагической, поломанной судьбой, встречающихся на улицах города. По своей стилистике эти экспликации петербургского бытия восходят, с одной стороны, к «физиологическим» очеркам натуральной школы 1840-х годов, а с другой, к петербургским повестям раннего Достоевского. Характерно, что Ремизов непосредственным образом использует творческий метод Достоевского, раскрытый в «Дневнике писателя», как руководство для собственной литературной практики.⁹⁷ Так из случайных уличных наблюдений возник миниатюрный сюжет про незнакомку в трауре в письме от 30 ноября.⁹⁸ Творческая задача соединения поэтики символистского романа с традицией русской реалистической прозы, которая встанет перед Ремизовым в следующем, 1910 году в процессе создания «Крестовых сестер», очевидно, начала формироваться благодаря лекции Андрея Белого «Настоящее и будущее русской литературы», которую писатель вместе с женой услышал в зале Тенишевского училища 17 января 1909 года. Выступление Белого было направлено на утверждение символизма как основной мировоззрительной идеи новой русской литературы. Один из ключевых тезисов этой концепции указывал на новое, символическое переосмысление наследия русского реализма. Обращаясь к литературному творчеству современников, Белый назвал Ремизова восприимчивым Достоевского и Лескова, очевидно, причисляя его к тем символистам, кто уже был готов открыть новые

⁹⁴ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 183. Л. 34 об.—35.

⁹⁵ Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова. С. 392.

⁹⁶ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, [1951]. С. 188.

⁹⁷ Ср.: «Я люблю, бродя по улицам, присматриваться к иным совсем незнакомым прохожим, изучать их лица и угадывать: кто они, как живут, чем занимаются и что особенно их в эту минуту интересует» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 111).

⁹⁸ См. продолжение публикуемой ниже главы «На вечерней заре» (Русская литература. 2015. № 4).

пути познания бытия. С записки, свидетельствующей о том, что Ремизовы 17 января собирались в Тенишевское училище, и начинается глава, посвященная 1909 году.

* * *

Текст рукописи «На вечерней заре» и оригиналы писем Ремизова печатаются по автографам, хранящимся в Государственном Литературном музее (Ф. 156). При публикации нами сохраняются характерные особенности ремизовского синтаксиса и орфографии, в том числе индивидуальные написания фамилий и имен: Ходосевич, Рёрих, *Микель-Анжелло*. В угловых скобках для удобства чтения при первом упоминании раскрыты фамилии и имена лиц, о которых идет речь. В примечаниях персоналии, упоминавшиеся в предшествующие годы (1907—1908), не поясняются.

ПЕТЕРБУРГ

1909

М. Казачий пер. № 9 кв. 34

Холера в Петербурге

С. П. через Москву в Берестовце. Потом вместе.

Меня обвиняют в Плагиате: за сказку «Небо пало»

Мое объяснение на Бирже в Москве:

Биржа за, а редакции — против

«Неуемный бубен»

Начал «Крестовые сестры»

Захворал: язва в желудке

И во второй раз крупозное воспаление легких

Пришвин, Иванов-Разумник, Ходосевич, Верховский,

Котылев—Рославлев, Чуковский.

У В. С. Гриневиц в «Ольховом Роге» — 2 недели

Петербург 1909

17 января

7 ч(асов) в(ечера)

Оставляю билет № 90. У меня в том же ряду 95. Где тебе понравится, там и садись. В «Бирж(евых) Вedom(остях)» написано, что лекция состоится.¹

Никто у нас не был. Без тебя всегда скучно. Ничего не делается.

Купил хлеба черного и белого. А то ночью нечего будет есть. Печку закрыл.

⟨весна 1909 года?⟩

Гумилев зайдет в 9-ть. Он был и обещал достать 10 руб(лей); передаст мне. Он тебя проводит к Вяч. Иванову.² Я сказал ему, чтобы он затворился в моей комнате и, пока ты не окликнешь, не выходил бы.

Была Валентина Алекс(андровна) [Шалаурова, учительница, сестра Раисы из Сольвычегодска]. ½ рыбы я съел, очень есть хотелось.

Петербург 1909

14—15 мая

11 ч(асов) н(очи)

Теперь никто не придет, письмо тебе напишу, да про Якова Степаныча, его разговор поправлю [«В поле блакитном», Яков Степаныч учитель географии]³ и лягу.

Заходил Зонов.⁴ Были у Рёриха.⁵ Туда пришел Ф. Ф. Коммиссаржевский. До ½ 6-го толковали. И решили: в гастролы не везти «Иуду» — не поспеет Рёрих. [«Трагедия о Иуде» была принята В. Ф. Коммиссаржевской, она собиралась играть «Ункраду»].⁶ Свидание предположено в октябре; за зиму Рёрих напишет эскизы. В «Золотое Руно» они не попадут, конечно.⁷ Толковали, главным образом, как обезьяньего царя представлять, о декорациях и костюмах.

Поднялся в 10-ть, думал: за пианино придут. А пришли без меня, когда я был у Рёриха. Оставили «условия», сохранию. [Моя мечта взята напрокат пианино осуществилась, но по весне пришлось отказаться]. В сегодняшнем «Новом Времени» Буренин ругательски ругает мою «Ночь у Вия» [«Летавица» в «Посолони»],⁸ не посылаю тебе, — сохранию. Писем нет, только «Сатирикон» и «Тропинка».⁹ В газетах новостей тоже никаких. Всё прибирался. Выглаженное белье пересчитал и уложил. Кроме Зонова никого за весь день.

Как ты доехала? Походи, посмотри Москву, на Новоспасский монастырь погляди, на Симонов.¹⁰ Хорошо бы к ранней обедне поспеть — там бесов заклинали раньше, надо справиться, так ли теперь.

Что еще сообщить тебе? Да во сне видел Тотеша [Шарон Тотеш. Херсон] свои замечательные глаза в руках держит, как две устрицы, уж жив ли он или вдруг появится.¹¹

Пиши мне, хоть вкратце, что тебя удивило на Москве. И не беспокойся. Поживи, если будет возможность. Благословляю тебя, будь спокойна. Осторожнее через улицу переходи, на трамвай не вскакивай.

Петербург 1909
16 мая
12 ч(асов) н(очи)

К Вяч. Иванову не пошел: надоели мне эти «поэты», опять гнусавое чтение с завыванием.¹² Так и не пошел.

Был в «Журнале для всех» [В. С. Мироллюбов, а потом Бенштейн, секретарь Е. Г. Лундберг, потом Л. Андрусон].¹³ Сказку: «Жалостная внучка» приняли, выдали 10 руб(лей) [«Русские женщины». Скифы. Пб., 1918]¹⁴ да и еще аванс 40 р(уб)б(лей). Хотел заплатить за квартиру, да «старшего» (дворника) не оказалось. Завтра вызываю его к себе, кстати, и о потолке, где протекает показать ему хочу. А главное-то, уж 17-ое, завтра только так и возможно заплатить, не дожидаясь вторника.

В «Журн(але) для всех» видел Лазаревского: он живет под Конотопом и в Бахмаче вылезает. В понедельник едет [Лазаревский, прокурор (sic!), благословленный Чеховым, все у него и писалось под Чехова.¹⁵ Хороший человек, он с Рославлевым помог мне издать у Сагсаганского («Эос») «Часы» и «Чортов Лог», только так мы и могли переехать из комнаты на Загородном в М(алый) Казачий переулок].¹⁶ Но забудь, тебе на Брянский вокзал: поезд скорый, без остановки поедешь долгий Бахмач.

У меня, стало быть, неожиданно появились еще 10 руб(лей). Ты не беспокойся. А о тебе все думаю, не послать ли тебе телеграфом во вторник, когда получу из «Речи» 25 руб(лей)?

Напишу еще А. И. Котылеву,¹⁷ чего с теми сказками, что я дал на Пасхе. Из Шиповника так и нет ответа. [А. И. Котылев отчаянный человек, «каторжник», а (sic!) мой покровитель: его все боялись; конечно, за помещение моих сказок он брал себе процент, но без него мне некуда было]. Без меня приходил Иванов-Разумник, оставил карточку: зовет завтра к нему в Царское.¹⁸ Я не поеду.

Принесли «Весы» № 4. Брюсов о Гоголе: «Испепеленный» — остроумно.¹⁹ Андрей Белый II-ая глава «Серебряного голубя»: извив и слащаво, что-то бабье и искусственно простоватое, отчего не свежесть полевая, а мерещковская затхлость

прёт; в описании «природы» гоголевщина, но московским так это не пристало, всякие звучащие низи только встряхивают и разжижают прозу.²⁰

В № 5 «Журнала (для) всех» моего рассказа «По этапу» нет.²¹ В «Огоньке» № 20 (купил) портреты: Стесселя и Небогатова.²² Писем не было.

В газетах ничего особенного. В «Слове» заметка, будто я и Городецкий возглавляем журнал «Велес».²³ Что поделаешь?

По дороге встретил Саксаганского [Из Екатеринослава, ломаное железо и издательство «Еос», для выпуска пьес Анны Саксаганской].²⁴ Выставил рамы — летняя жара.

Во сне видел, будто (еду) через Финляндию к морю, а говорят, очень опасно: на море что-то вроде морского землетрясения.

Белье подано все исправно.

Так и день прошел. Скоро от тебя письмо получу. Любопытно: что Москва тебе без меня рассказала?

Благословляю тебя, будь осмотрительна. А действительно, получу (из «Речи») деньги и вышлю тебе: цепочку купишь, если будет возможность.

Да. Вот и прошлую ночь и эту проснусь, и ведь уверен, что ты в твоей комнате — спишь, и утром тоже, а загляну — нет.

Петербург 1909

17 мая

11 ч (асов) в (ечера)

Так меня сегодня обманули немилосердно [должно быть, в «Речи»]: не напечатали, ведь, «Лютых зверей» и «Упыря» [«Посолонь»].²⁵ Пойду во вторник объясняться. Буду искать правды (!?): второй раз надувают.

Писем нет. Получилась «Рус(ская) Мысль» № 5: «Бедовая доля» (Сны) напечатана.²⁶ Пишу в контору «Рус(ской) Мысли», прошу счет прислать: мне кажется, я уж ничего им не должен. Из статей: Брюсов о франц(узском) театре.²⁷

Заходил «на минутку» Гумилев. По его рассказам, вчера у Вяч. Иванова говорили о «прозе».²⁸ Виктора Гофмана²⁹ не было, а был голубой суслик Модест,³⁰ и о рецензии [?] Гумилев не говорил.³¹ Ал. Н. Толстой завтра уезжает в Коктебель к Волошину, а Гумилев туда же в понедельник.³² Сегодня назначено было собрание «Острова» [предполагавшийся журнал, где А. Толстой хотел писать критику; образец его критики: «Эпоха Карамазова» вместо Карамзина и это не нарочно, а с надупленным убеждением — много было смеху, а Толстой добродушно облизывался] в кофейне, но ни П. П. Потемкин, ни Ал. Толстой не явились.³³

Что ты уехала в Москву, Гумилев не знает, а стало быть, и никому там неизвестно. Ауслендер не проговорился. [Ауслендер Сергей племянник М. А. Кузмина, «стилист» из «Аполлона», тощий, бледный и тихий].³⁴

Форточка в столовой открыта. На дворе музыка — играют на самых разнообразных инструментах, помнишь, как и прошлой весной; деревья вдруг распустились и там, где каменный уголь зимой лежит, зелень [«Крестовые сестры» — «Бурков дом»].³⁵

«Старшему» заплатил за май. Разговаривал с ним о ремонте.

Завтра газеты не будет. А во вторник я пойду в «Речь» суда искать. Я так мечтал, что пошлю тебе денег и ты купишь себе цепочку. Впрочем, еще не пропало дело. Вместо «Лютых зверей» и «Упыря» напечатали А(лександра) Митр(офановича) Федорова о «Палестине».³⁶

Во сне что-то видел хорошее, да забыл, и, осталось только чувство: «очень хорошее: весна!»

В «Слове» написано, что в «Рус(ской) Мысли» Брюсов больше не заведует никаким отделом, а что по отделу беллетристики в «первой инстанции» [а попросту по регистрации рукописей] Варвара Гр(игорьевна) Мирович.³⁷ Все-таки видное место!

А хорошо, что я вчера 10 руб(лей) получил от Бенштейна («Журнал для всех») за сказку, а то безо всего сидеть бы мне, да во сне весну славить («закликать»). Написал Котылеву о тех трех сказках и в «Шиповник». ³⁸ Напишу Иванову-Разумнику, ведь, он меня приглашал сегодня, надо ответить.

Не унывай, не беспокойся, смотри Москву. Благословляю тебя, ходи по белокаменной.

От Виктора должен получить «обещанные» в конце месяца.

Ты не веришь? — Получу.

Петербург 1909

18 мая

10 ч(асов) в(ечера)

Перевод на 50 руб(лей) из «Зол(отого) Руна», отправлены деньги 16-го, стало быть, из Москвы идут два дня. На отрезном купоне: «Посылаю ту сумму, которую оказывается возможным послать теперь, надеюсь, что это несколько поможет вам расплатиться с вашими кредиторами». ³⁹

Завтра телеграфом тебе 25 руб(лей). Вот сон-то хороший снился!

Приходила Антонина Николаевна с Атей [описано в «Царевне Мымре», а Ан(тонина) Н(иколаевна) двоюродная сестра А. П. Зонова]. ⁴⁰ Спрашивала твой адрес, хотела послать тебе телеграмму передать Арк(адию) Зонову, что ему деньги высылаются. 10 руб(лей) на имя его брата (в лагере). Увидишь Зонова, передай ему — 10 руб(лей) получить приятно!

Твоего адреса я не дал: телеграмма тебя испугала бы, я сказал, что лучше сам напишу — что ты могла и уехать.

Вышло «Утро» (понедельник). Там опять про Владимира Ленского — «поэт, создающий эпоху». ⁴¹ [Вл. Ленский (Абрамович), Дм. Цензор, Яков Годин, А. С. Рославлев, ⁴² П. Потемкин, Л. Андрусон — петербургские поэты].

Во сне видел Суворина [Бориса?], спрашивает: «не мало ли мне заплатили за „Спорыш“ [«Посолонь»] в Литературно-художественном журнале?» [Театральная программа]. ⁴³ Я сел на него и поехал.

В «Зол(отое) Руно» пишу: когда остальные деньги и что они мне очень нужны. Может быть, поговоришь с Тастевеном (Генрих Эдмундович) по телефону: приехал ли Н. П. Рябушинский ⁴⁴ и когда остальное?

Получил твое первое письмо от 18 V (подали ½ 6-го). Очень все это печально, надо было бы кофточку драповую взять. Хотя, Бог знает, на воле так тепло и дождя у нас не было. А тяжело, когда в вагоне холодно. Меня очень беспокоит, как у тебя, все ли в порядке. Об этом напиши непременно.

А как твои ботинки, тоже промокли и вычистить уж нельзя?

Пиши, как что видишь, а то забудешь рассказать.

Писем нет и ничего не было, только «Слово» и «Бирж(евые Ведомости)» вечерние купил.

Благословляю, поживи, посмотри на Москву.

Завтра пойду в «Речь».

Тебе с Брюсовым где встретиться? Что-нибудь да увидела б, это не в Петербурге.

Петербург 1909

19 мая

Послал тебе 25 руб(лей). За пересылку взяли 1 р(убль) 30 к(опеек).

Забыл написать, вчера Антонина Николаевна принесла самовар. Завтра придет Валентина Александровна (Шалаурова), я его ей отдам.

Письмо от Татьяны Ник(олаевны) Гиппиус. Она [и ее сестра Наталья] ⁴⁵ заходили в пятницу вечером (15-го), швейцар сказал, что ты уехала в Москву на 2 не-

дели, они не поднялись ко мне, а потом пожалели, спрашивают: «Когда ты вернешь долг?» Я сейчас ответил, что ты поехала в Берестовец через Москву, захворала твоя мать и потому ты собралась так скоро. Пробудешь недолго и назад. Этого достаточно?

Переписал сказку «Про мертвеца и про разбойников».46 Завтра попрошу Вал(ентину) Ал(ександровну) Шалаурову снести в «Сатирикон» Аверченке.

В «Речь» с объяснениями не пошел: едва ли кого там сегодня застал бы.

Если видишь московские газеты [С. П. газет никогда не читала], знаешь, что помер депутат-адвокат Пергамент, связанный с «Речью».47 Пойду завтра.

Посылаю вырезку из «Слова»: пишут, что Рябушинский вернулся в Москву.48 А потому надо действовать. Я еще точно не решил, как написать ему, чтобы последние 50 руб(лей) вырвать.

Тогда и Гиппиусам можно было бы отдать, хоть часть. Может быть, Надежда Серг(еевна) Бутова согласится пройти в редакцию поговорить с Н. П. Рябушинским, ее примут.

Не забудь, сходи в Успенский собор, в Румянцевский музей, да и в Троице-Сергиевскую Лавру (к «Троице»)49 съезди, подряди Фед(ора) Ив(ановича) Щеколдина50 или Н. С. Бутову.

Во сне видел Николая Ивановича Киенского [Актер Александрийского (sic!) театра, а раньше служил у Мейерхольда — «первый любовник»]51 — это к дождю. Мелкий идет, зеленый, душистый.

Пришла Вал(ентина) Ал(ександровна) Шалаурова, отрядил ее в «Сатирикон», пускай прогуляется.

Рябушинскому написал. Лягу рано. Ты предупреди, когда не писать в Москву.

Теперь никто уж не придет, и слава Богу.

Благословляю тебя, живи-смотри, не беспокойся.

Начались белые ночи. В час светло. ¼ 11-го н(очи).

Белые ночи мне душу тянут. И о чем они мне напоминают? Их свет, как дорога — пойдешь, и все узнаешь. А назад не вернешься.

Да, «Розановскую шубу» в нафталин (не) положу, лучше ей висеть в гардеробе, а то как же нафталиновой накрываться! [Варв(ара) Дм(итриевна) Розанова52 «самодельно» сделала для С. П. ватoshное пальто, выходить в нем нельзя было по безобразию, а зимою служило одеялом].

Петербург 1909

20 мая

12 ч(асов) н(очи)

День посетителей: Григорий Пет(рович) Новицкий [студент Лесного Института, автор «Необузданные скверны», стихи]. И хорошо так вышло, я уже собрался в «Речь», а то бы до вечера [«Необузданные скверны» с посвящением «моему учителю А. М. Ремизову». Книгу конфисковали и автора привлекли за «кощунство и порнографию», а меня не тронули].53

В «Речи» разговаривал с Иосифом Влад(имировичем) Гессеном.54 Гессен сказал, что «Лютые звери» и «Упыря» отдадут в набор, подсчитают и меня известят, сколько мне еще следует сверх взятых. [Никогда в набор не отдадут, а я поверил].55

Дома я написал Соломоновской, секретарше «Речи», ускорить и набор и подсчет, и известили б меня.

В редакции встретил Ал(ександра) Степ(ановича) Рославлева [с картинки: «„Добродушный людоед” или „Показной разбойник”»,56 уже по одному своему виду ко мне благожелательный. А какой престранный: однажды, походя, выпил большой графин воды и еще б попросил, да кипяченой не было, это в холеру]. Узнал от него, что в «Сатириконе» — 15 коп(еек) за строчку, и что если сказку о

«Караване-Горюне» [не помню]⁵⁷ «Шиповник» не примет, он берется вести меня в «Общественную Пользу» к тому самому Кулакову,⁵⁸ к которому однажды ходил наниматься в «Надежду» (страховое общество) и который мне отсоветовал поступать в контору.

В «Шиповник» я написал письмо. И Котылеву написал.

Пришел Пяст с женой. [Пяст (Пестовский) тоже петербургский поэт,⁵⁹ но более культурный: Пяст, Зоргенфрей,⁶⁰ Городецкий, но совершенно больной: мания преследования].⁶¹ Пяст дал мне 20 руб(лей) до 10-го июня: придет за ними 9—10-го. Я взял на случай, хотя такой короткий срок, и если истратишь, не со брать. Нонна Александровна⁶² уезжает 15 июня, билеты достать не может и только до Ладоги на пароходе. Ты, когда приедешь, можно попросить ее, и мы проедем по Ладоге.

Напоил их чаем. И они ушли.

Тут за ними Вал(ентина) Ал(ександровна) Шалаурова, принесла сухарей и банок. Отдал ей самовар. Она уезжает завтра в 1 ч(ас) н(очи) в Крым на 2 недели с экскурсией Медицинского Института. Я ей дал адрес Зои [Зоя Владимировна Александрова, бывшая вологодская ссыльная; у нее С. П. остановилась в Москве].⁶³ Между поездами она может проехать к тебе. Ты на это не осердишься? Я думаю, она не заедет: извозчик дорого, между поездами времени мало, а на трамвае она не сумеет. А не сказать было неловко. Пясту я ничего не сказал о Москве, а то же, что и Гиппиусам о Берестовце.

«Кикимора» [Наталья, странная, с хлыстовской небесной поступью и «нечеловеческим» взглядом — «кикимора». Так я назвал ее с первого глаза] остается на завтра, а в пятницу Василиса [Рябая] переселится к нам.⁶⁴ (Василисина «барыня» нанимает прислугу, чтобы с новой переехать в другой дом). Платки выстираны и поданы.

Во сне видел, будто на твоей белой шелковой кофточке иголка торчит. И я подумал: надо тебе сказать, а то еще уколешься. Эта кофточка, мне она нравится, с муаром и кружевом на рукавах. Потом опять вроде Киенского.

Завтра с 21(-го) на 22(-ое) лунное затмение: «Наблюдай!» Если тебе надо будет деньги, напиши. Да купи калоши, ишь, дожди пошли, промочишь ноги.

Благословляю тебя.

Пясту заказал принести Писемского, «Люди сороковых годов». [Там описан, не знаю, под каким именем один из Самойловичей — родственник С. П. по матери, Кострома].⁶⁵

Петербург 1909

21 мая

11 ч(асов) н(очи)

Пасмурный холодный день, и ни о каком лунном затмении — как не (sic!) смотри, ничего не увидишь. Опять я твою «корсетку» надел так мне холодно.

Из Москвы письмо от Бартрама, организатор кустарной выставки игрушек. С ответом не торопит, и я не решил, то ли «Доремидошку» послать на выставку, то ли «Коловертыша»?⁶⁶

Наконец-то пришел Юрий Никандрович Верховский⁶⁷ [пушкинист и поэт из ученых, к нему подходят московские: В. Ф. Ходосевич, Б. А. Садовской⁶⁸]. Верховских [двое детей Никита и Поликсена] выгнали с квартиры. Волбсья висят, как мокрая грива, и сам весь измокший и пуговица оторвалась, висит и все его слова висят. И я уж не напомнил ему, как он к нам привел какого-то, не предупредив, помнишь, ты рассердилась. Показывал письмо Брюсова: предлагает ему писать в Библиографическом отделе «Рус(ской) Мысли», оговариваясь при этом, что сам он имеет лишь «косвенное» отношение к редакции, а со всякими делами советует обращаться к Сем(ену) Влад(имировичу) Лурье [редактором Рус(ской) Мысли стал в

ту пору П. Б. Струве и при нем С. В. Лурье]. Это похоже на Брюсова: и честь соблюл и ровно ничего не сделал. А Верховский от своего наивного сердца повторяет: «Брюсов пригласил меня печататься в Русской Мысли!» И ничем не убедишь, и не надо, что Брюсов с не меньшим правом мог пригласить его участвовать и в «Русском Богатстве». ⁶⁹

И еще — не везет — хотел справиться по телефону у Мережковских, послали ли его стихи в «Рус(скую) Мысль» и какой ответ — и получил ответ, что Мережковские уехали за границу. ⁷⁰ А это похоже на Мережковских! Только бы самим как устроиться, да потеплее — «за границу», а до Верховских какое им дело, впрочем, рукописи пускай оставит.

И можно ли убедить, да и не надо, что он оставляет свои рукописи валяться?

Жалко мне было Слона Слоновича [прозвище Верховского]. ⁷¹ Я сам ведь несколько раз был в его шкуре, и никакой Гессен не разубедит.

Напоил я его чаем. А что ты в Москве, я, конечно, ему ни слова.

Письмо от Котылева: две сказки «Панорамой» приняты и в пятницу, завтра, появятся. ⁷² Если не удастся взять за них вперед, придется в четверг, в день платежей.

Завтра в «Шиповник». На два моих письма нет ответа.

Из газет: в Рыбинске изнасиловали пятерых, в их числе семидесятилетняя старуха — «по ошибке». И бабке на удивление и ему — в диво. Не иначе, как ночь попутала. В газете нет подробностей, это я от себя. 23-го открытие памятника Александру III на площади против Николаевского вокзала, работы Трубецкого. ⁷³

Твое 2-ое письмо от 20 V получил сегодня в полдень. И потому пишу уже в Берестовец. Шесть писем было в Москву. Из Берестовца извести, когда приедешь, чтобы мои дни видела.

О таланте Бутовой: ⁷⁴ она не «интриганка», и очень просто, интриговать может Книшпер, ⁷⁵ а Бутова вроде как «на покое» — «талант и работает» и никому не мешает и ни на что <не> вызывается.

Понравилась тебе Москва.

Но в Москве есть невыносимое. Это тягучая чувствительность — бутовщина Художественного Театра. А московская земля тепла и устойчива, не то, что наша петербургская.

Тебе хочется в Москву переселиться? Я бы с охотой — год пожил.

Клянйся Наташе. ⁷⁶ Большая — в апреле исполнилось 5 лет.

«Кикимора» с котом Василием уезжает завтра вечером. Василиса еще не переселилась, но готовить будет.

Благословляю тебя, смотри, как яблони цветут. Или отцвели уж? А приедешь в Петербург, поедем на Ладогу, если билет-то можно даровой достать, два дня проживем, посмотрим.

Петербург 1909

22 мая

12-ый ч(ас) н(очи)

Две белые палатки лежали там, где зимой лежал каменный уголь, а потом первая показалась трава, а это значит, приближается лето. «Кикимора» с котом скрылась, а <на> ее место Василиса.

Вот то, что из окна, и то, что совершилось в доме.

Забыл написать вчерашний сон. Я видел тебя и Наташу. Только Наташа не девочка, а совсем взрослая. И ты охраняешь ее: какой-то, по фамилии Абрамов, он тут же стоит, человек на тоненьких ножках, голова птичья в перьях, преследует ее. А сегодня опять ты и Дина Исааковна, ⁷⁷ но уж Дина, а не Абрамов, покрыта красными перьями: перо завитком.

Письмо от Сол(омона) Юл(ьевича) Копельмана («Шиповник»):⁷⁸ сказку «Караван-Горюн»⁷⁹ не берут. Написал Рославлеву, назначить, когда идти в «Общественную пользу».

И в «Шиповник» к Копельману.

Он находит, что лучше всего издать собрание моих «сочинений», куда войдут рассказы, сказки, пьесы. Пожелания его приятны, но до осуществления далеко; да один ничего и решить не может. Я спросил о альманахах?⁸⁰ «Но альманахи до 1910 г(ода) все составлены». Говорить больше не о чем.

Когда возвращался, показалось мне, что д(окто)р Заливский⁸¹ проехал, и странно, вместо шляпы вся голова в перьях. Или это у меня в глазах мерещится?

В «Нов(ом) Врем(ени)» буренинского фельетона нет.⁸² В «Сатириконе» моего нет. А вот в «Панораме» сказка: «Небо пало».⁸³ 15 к(опеек) строчка, мне придется 8 р(ублей) 25 к(опеек). Наверно, в четверг придется получить 28-го V.

Вечером открытка от Вал(ентины) Алекс(андровны):⁸⁴ на экскурсию в Крым она не попала, спрашивает, когда ей зайти. Напишу, что когда хочет, хотя поручений у меня сейчас нет, разве купить нафталину. Последние две ночи укрывался «Розановской шубой», так холодно.

Из газет: о слоне «Зембо», как его отравили; старый московский слон, я его помню. В Зоологическом саду видел «Сказку о золотой рыбке», — пантомима и этот слон, почему-то соединились. В 9 ч(асов) завтра начнут палить из пушек: на открытии памятника будет Государь. Лунное затмение не видал: все небо было в облаках.

Сегодня провозился с подклейкой и нумерацией «Караван-Горюна». Переписал несколько «берестовецких писем», очень любопытные. Если бы такая удача тебе выпала достать еще. Самые интересные письма: письма 40-х годов. [Эти письма из «берестовецкого архива» взяла С. П. тайком. Немного. А больше нельзя было. А это только у нас и сохранилось, весь архив сгорел в Революцию. «Россия в письмах». Том II, не издан].⁸⁵

Как ты доехала? Напиши, хоть одно письмо из дому. Благословляю тебя, не простудись. Какая там погода? В легком-то холодно в вагонах.

[22 мая. «Панорама» № 5 со сказкой «Небо пало» для меня роковые. Скоро в вечерней Биржовке появится статья Алек(сандра) Алексеевича Измайлова: «Писатель или списыватель?» с обвинением меня *в плагиате*: выдаю народную сказку за свое сочинение. «А в самом деле, писатель или вор-списыватель-самозванец?» (—) спросят себя петербургские и московские редактора, и двери редакций передо мной захлопнутся.

А я да ничего не знаю, и не предчувствую надвигающуюся беду: жду в четверг получить 8 р(ублей) 25 к(опеек)].⁸⁶

Петербург 1909

23 мая

11 ч(асов) н(очи)

Я и пяти выстрелов не слышал — возвещали о начале церемонии, прослушал.⁸⁷

Во сне видел Раису Иосифовну Бриллиант [несчастнейшее существо, приходила к нам по несчастью: то ее бросали, то она бросала, и совсем запуталась, до отчаяния, а добрая, приветливая].⁸⁸ Сон означает легкомыслие, но без веселости.

Получил твое 3-ье письмо из Москвы — от 22 V.

Около 3-х, когда сел за стол, чтобы есть, пришла волошинская знакомая справиться о письме Бартрама.⁸⁹ Я уже писал об этом игрушечном Бартраме. Вид у меня был зверский, я, как и все звери, не люблю, когда мне мешают есть. Должно быть, она это заметила: не раздеваясь, присела к столу и принялась из черного хле-

ба делать катушки. Я ей сказал, что у меня игрушек нет... сейчас, но что на выставку я пошлю, хотел сказать «Коловертыша», а прозвучало «вывершаша». И дал адрес Добужинского.⁹⁰ Под катушки она мне сообщила, что едет к Волошину в Коктебель. При свете солнца я заметил, что у нее растет борода. И меня что-то забеспокоило, не борода, конечно, я и сам не знаю что.

Веселая компания — Коктебель! Воображаю, сколько за лето будет нанизано слов — ни-к-чему. А может, это и ничего, оторвавшийся от жизни поток слов. Кому по душе эта «лень», будут довольны.

Мне из твоих слов Бутова тоже не очень: эта ее восторженная елейность. А окружение Бальмонта,⁹¹ это тот же Волошин, словесная «ни-к-чему».

Куда же мы с тобой поедем?

Писем нет. Купил «Огонек»; посылаю вырезку: «Разбойник Савицкий».⁹²

Вечером приходил «Демьяныч» [студент при Лундберге, познакомились в Киеве, ладный и услужливый].⁹³ Отдал ему книги. Он был на открытии памятника. Надо будет пройти взглянуть. По его словам, особенно выдающийся зад, как у коня, так и у государя. И тут разногласия нет, все в одно слово: памятник отменный. И стихи уж написаны — «не для печати».⁹⁴

Лундберг до сих пор никуда не уехал [предполагалось, за границу]; то в Злодиевке, то в Киеве; и денег у него почти уже нет, все испесочил.⁹⁵ [В Злодиевке сыпучие пески, помню, измучают, закаешься выходить из дому].

Страстной монастырь⁹⁶ знаю, но не часто бывал, а у Василия Блаженного каждый камень в глазах и нога невольно скользит.

Василиса кроткая, просит она попросить «старшего»⁹⁷ о переводе Семена на нашу лестницу — «и дрова не будут пропадать!» Если б меня «старший» послушал! Да с чего ему слушать меня, я не Фальковский [богатый сосед; квартира в Б(ольшом) Казачьем]. А поди втолкуй: и утром, и в полдень, и вечером: «попросите!»

Напишу Валентине Александровне, пришла б часов в 6-ть: некоторые вещи пересыпать нафталином. Холод — ужас. А палаток уже не две, а все пять — на зеленом да от холода они еще белей. Благословляю тебя. Напиши, если денег надо, вышлю телеграфом.

Петербург 1909

24 мая

12 ч(асов) н(очи)

Мне везет, приснилось, я в театре — вижу А. П. Зонов и Марианна (Дина) Исааковна, в руках у обоих цветы. Будет мне сегодня большая удача.

В 2 ч(аса) с черного хода явился А. С. Рославлев. Почему с черного, а не с парадного, очень просто: вход наверняка. Опытом дошел он, как ему заставить врасплох, не предупредя, и без всяких ожиданий под дверями. Мудрое правило. Только ко мне ни к чему, я на звонок, не спрашивая, всем открываю дверь.

Рославлев с новостями: Кулакова в Петербурге нет, уехал на 2 недели в Алупку, а в будущий понедельник уезжает к Кулакову и сам Рославлев; в Алупке он поговорит с Кулаковым и мне напишет.

А относительно аванса все равно не дали б, теперь он узнал, если бы даже и приняли: «уж поздно».

Но почему «поздно», он не объяснил.

«Только в конце августа, если примут, — с благодушным облизом выговаривал Рославлев, — вам дадут 200—300 руб(лей) авансом».

По разбегающимся, напряженным не заснуть, глазам я понял, что Рославлев не в себе и готов раздавать любые авансы. И подумалось, «да, может, он ни в какую Алупку не едет?»

«В Алупку вернется Кулаков, и мы все устроим»,⁹⁸ — сказал он на прощанье и прочитал свое непечатное «на памятник Александру III-му».⁹⁹

Завтра пойду к Котылеву поговорить о «Панораме» (8 р(ублей) 25 к(опеек)) и относительно какого-то «темного человечка», который что-то может издать мое, а кстати и о Марксе,¹⁰⁰ как действовать через Чуковского.¹⁰¹ [Чуковский имел отношение к издательству Маркса; «Ниву» редактировал Светлов,¹⁰² а он вроде помощника Светлова в литературном отделе].

Во вторник в час пойду к Аверченке в «Сатирикон» — получу авансом гонорар за сказку, если только Рославлев не врет.¹⁰³ [Конечно, я не получу никакого аванса]. А потом в «Речь». Сегодня напечатана статья Л. И. Шестова о Сологубе.¹⁰⁴ В «Речи», по наущению Рославлева, если и тут не врет, какого-то я должен вызвать корректора, от которого будто бы зависит ускорение набора, потому что И. В. Гессен, хоть и искренно обещает, но все его обещания плавают в забвении. Одно плохо, фамилию корректора не сказал, а я не спросил.

После Рославлева пришел, помнишь, такой студент робкий — Виктор Хлебников, говорили о словах. Он не то, что подкапывается под корень, а хочет вытащить и пересадить. Эта словесность мне по душе: тут слово в его существе «бескорыстное», «само-в-себе», а не то, чтоб прикрывать собою пустые призраки.¹⁰⁵

Писем нет. Одно «Кикиморе» было, я отдал Василисе, она пошлет.

У меня такие предположения: вот вернешься, съезди к Раисе [Шалауровой, но куда, не помню], посмотри, как там: может, там бы поселиться — комнату нанять? Пишут в газетах, что возможно к июлю опять холера в Петербурге. Сегодня: заболело 9. Вчера 12 — из пришлых рабочих. А в воде опять обнаружили «вибрионы».

Во вторник увижу Рославлева, спрошу адрес Кулакова. К Кулакову в «Надежду» я когда-то ходил с письмом от Д. Е. Жуковского.¹⁰⁶ Думаю написать ему. Спрошу, не найдется ли мне какого-нибудь пристанища в «Общественной Пользе».

Рославлев, ему доверять трудно, говорит, что в 50—75 руб(лей) место можно найти именно в «Общественной Пользе». Сам Рославлев, если не врет, там служит в качестве «консультанта по разбору рукописей».

И не верю, а все о «делах» думаю. Каким-то бесконечным кажется хождение мое к Гессену в «Речь», мои письма Рябушинскому в «Золотое Руно», и ожидания ответов, бесконечным наказанием без всякой надежды помилования. Ты более нетерпеливая, чем я, и я не знаю, уж что бы ты сделала на моем месте.

Благословляю тебя, поживи в Берестовце, если удобно тебе. Боюсь, что нет.

¹ Речь идет о лекции Андрея Белого «Настоящее и будущее русской литературы», состоявшейся 17 января 1909 года в зале Тенишевского училища. Текст лекции впервые был опубликован в журнале «Весы» (1909. № 2. С. 59—68).

² Ситуация относится к одному из совместных с Николаем Степановичем Гумилевым (1886—1921) посещений симпозионов на «Башне» Вяч. Иванова.

³ Подразумевается работа над рассказом, написанным по воспоминаниям С. П. Ремизовой-Довгелло о своем детстве и юности. Сюжет о Якове Степановиче Феофилактове, «самом любимом учителе», преподававшем географию в Покидошенской гимназии, был включен в состав повести «В поле блакитном» (Берлин, 1922. С. 51—55). На авантитуле этого издания сохранился автограф Ремизова с посвящением жене, датированный 12 июля 1922 года: «Взял книгу — А! это твое только обрисовка моя, с с и с т е м а т и з и р о в а н и е (...)» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 98. Л. 3).

⁴ А. П. Зонов.

⁵ Краткий очерк взаимоотношений живописца, писателя и философа Николая Константиновича Рериха (1874—1947) с Ремизовым см.: Рерих Н. К. Письмо к А. М. Ремизову / Публ. С. С. Гречишкина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976. С. 196—199. Написание фамилии художника (через ё), использованное в рукописи, соответствует этимологии, восходящей к корневым морфемам немецкого языка. Именно в такой огласовке фамилия художника была напечатана в журнала «Золотое руно» при публикации эскизов к ремизовской «Трагедии о Иуде, принце Искаротском» (1909. № 11—12).

⁶ Речь идет о запланированной еще осенью 1908 года в театре В. Ф. Коммиссаржевской постановке пьесы «Трагедия о Иуде, принце Искаротском» с декорациями Рериха. История так и не осуществленного в 1909 году спектакля прослеживается в статье Е. Я. Дубновой «А. М. Ремизов в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской» (Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1992. М., 1993. С. 95—

104), а также в монографии Ю. В. Розанова «Драматургия Алексея Ремизова и проблема стилизации в русской литературе начала XX века» (<http://www.booksite.ru>). О несыгранной роли Ункрады см. также в очерке Ремизова 1949 года «Бесприданница (В. Ф. Коммиссаржевская)» (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 241—244).

⁷ Скептический прогноз Ремизова был вызван постоянно откладывающейся публикацией «Трагедии о Иуде, принце Искаротском», которая по первоначальному договору с редакцией журнала «Золотое руно» планировалась для № 1 за 1909 год. В начале мая появилась надежда, что пьеса будет помещена в сентябрьском, «строенном» (№ 7—8—9) номере журнала. Об этом 6 мая 1909 года Ремизову написал секретарь редакции «Золотого руна» Г. Э. Тастевен в ответ на извещение писателя о том, что Рерих приступил к работе над эскизами для постановки «Трагедии о Иуде, принце Искаротском» (РНБ. Ф. 634. № 214. Л. 13). Однако Ремизов понимал, что к началу осени они еще не будут готовы. В конечном счете, публикация эскизов и пьесы состоялась лишь в № 11—12, вышедшем из печати в конце февраля 1910 года.

⁸ Речь идет о новелле «Ночь у Вия» (впервые: Русская мысль. 1909. Кн. 4. Отд. 1. С. 46—50), которая получила новое название «Летавица» в составе книги Ремизова «Посолонь» (часть II — «Мышиными тропами»), вошедшей в шестой том собрания сочинений писателя (СПб.: Шиповник, [1911]). Виктор Петрович Буренин (1841—1926) в статье «Разговор», опубликованной в «Новом времени» в его персональной рубрике «Критические очерки» (1909. 15 мая. № 11915. С. 3), использовал практически весь спектр собственных литературно-критических приемов. Применив и грубое пародирование, и обывательский сарказм, направленный на любые формы новаторского искусства, и привычную для нововременской журналистики юдофобию, он построил свой очерк в форме диалога некоего «толерантного» читателя современной литературы с читателем раздраженным. Весь пафос возмущения модернистской литературой (в статье упоминались Л. Андреев, М. Арцыбашев, Федор Сологуб, а также «жидовско-декадентская критика») выпал на долю Ремизова. Издательский комментарий к содержанию сказки «Ночь у Вия» сопровождался утверждением о психической невменяемости писателя, которую Буренин «диагностировал» практически в каждой, посвященной его творчеству статье (см., например, избыточные пассажи о сумасшествии Ремизова «Критические очерки» Буренина: 1) Новое время. 1905. 28 окт. № 10644. С. 4; 2) Новое время. 1905. 9 дек. № 10681. С. 4). Особое удивление критик выразил в адрес редакции уважаемого печатного органа — журнала «Русская мысль», допустившего на свои страницы подобного рода «ахиною».

⁹ Имеются в виду петербургские периодические издания: журнал сатиры и юмора «Сатирикон» (1908—1914), который с № 9 выходил под редакцией А. Т. Аверченко, и журнал для детей «Тропинка» (1906—1912; редакторы-издатели П. С. Соловьева и Н. И. Манасеина).

¹⁰ Подразумеваются московские монастыри, которые были расположены в связанных с детством писателя местах: Новоспасский мужской монастырь, построенный на берегу Москвы-реки в XVII—XVIII веках, и старый Симонов Успенский монастырь, основанный в 1370 году. Ср. оригинал письма (см. Приложение), где упоминается Новодевичий монастырь. См. также: *Валенко Е. Е.* Монастырская Москва: духовные искания А. М. Ремизова // Святоотеческие традиции в русской литературе: Сб. материалов II Всероссийской науч. конференции (Омск, 24 апреля 2009 года). Омск, 2009. Вып. 5. Ч. 1. С. 42—51.

¹¹ Ср. в тексте оригинала письма (см. Приложение). Очевидно, имеется в виду Илья Аронович Тотеш — сын известного в Херсоне предпринимателя, владельца суконного магазина Арона Тотеша. С этой семьей, особенно с младшим Ильей Тотешем, Ремизов сблизился в 1903—1904 годах, когда после вологодской ссылки оба поступили на службу в антрепризу Вс. Э. Мейерхольда «Товарищество Новой драмы», гастроли которой в тот сезон проходили в Херсонском городском театре. Именно с И. А. Тотешем были связаны шуточные розыгрыши, практиковавшиеся писателем среди своих литературных знакомых в Петербурге. В частности, этот гостивший у Ремизовых в 1906 году херсонский приятель был представлен литературному обществу на «Башне» Вяч. Иванова как «турецкий поэт Фуад Намыка», не изъясняющийся по-русски, но выразительно прочитавший на «своем» языке стихотворение, звучащее совершенной абракадаброй. Сюжет, оставшийся за рамками романа «Петербургский буерак», был описан Ремизовым в рассказе «Восточный гость» (Новое русское слово. 1952. 2 нояб. № 14799. С. 2; включен В. Аллоем в книгу мемуарных очерков писателя «Петербургский буерак» (Париж: LEV, 1981; глава «Наши гости», под названием «Восточный»). Впервые мистифицированный образ Ильи Тотеша встречается в пространном письме Ремизова, адресованном Вл. Пясту 20 мая 1906 года. Это письмо в полной мере передает юмористический стиль тогдашнего Ремизова, который был чрезвычайно склонен ко всякого рода розыгрышам и шуткам. Здесь не только воспроизведено «турецкое» стихотворение в русской транскрипции (как и в рассказе «Восточный гость») и обрисована ситуация его выступления на «Башне», но и дано сходное с настоящим письмом описание колоритной внешности Тотеша: «Турецкий поэт живет у нас через день. Водил его к Вяч(ч.) И(ванову), читал он там на прощальной середе стихи, показывал фокусы, все дамы в него влюблены, такой красивый, черный весь, как трубочист и поводит белками» (РГАЛИ. Ф. 405. Оп. 1. № 16. Л. 2).

¹² Речь идет о заседании «Поэтической Академии», периодически собиравшейся на «Башне» Вяч. Иванова в апреле—мае 1909 года, когда его курс лекций о стихосложении, иницииро-

ванный молодыми поэтами Н. Гумилевым, П. Потемкиным, А. Толстым, О. Мандельштамом и другими, был преобразован в семинар для «башенного» круга литераторов. Сообщение о новой поэтической «институции» проникло на страницы повременной печати благодаря одному из слушателей ивановских лекций (см.: *Гофман М.* «Поэтическая академия» // Вестник литературы. 1909. № 8. С. 186—187). Согласно сохранившимся протоколам, которые вела М. М. Замяткина, из пяти известных заседаний Ремизов с женой посетили одно — 23 апреля (см.: *Гаспаров М. Л.* Лекции Вяч. Иванова в Поэтической Академии 1909 г. // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 89—106). 16 мая состоялось последнее заседание Академии на Таврической ул.; осенью занятия были возобновлены в редакции нового журнала «Аполлон». Ср. недатированное письмо Е. И. Дмитриевой М. А. Волошину, отправленное около 9 мая, в котором по поводу заседаний на «Башне» сообщалось: «16-го будет закрытие» (Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной. Жизнеописание. Письма 1908—1928 годов. Письма Б. А. Лемана к М. А. Волошину / Сост., подг. текстов и прим. В. П. Купченко и Р. П. Хрулевой. Феодосия, 2009. С. 42). Подробное описание дискуссий на заседаниях 23, 29 апреля и 8 мая см. в письмах Дмитриевой (Там же. С. 37—42). История возникновения «Поэтической Академии» описана также в мемуарах: *Пяст. Вл.* Встречи / Сост., вступ. статья, науч. подг. текста, комм. Р. Тименчика. М., 1997. С. 99—102; *Гофман М. Л.* Петербургские воспоминания // Новый журнал. 1955. № 43. С. 120—133.

¹³ «Журнал для всех» — иллюстрированное периодическое издание, основанное в 1895 году. В 1898—1906 годах во главе редакции стоял Виктор Сергеевич Миролюбов (1860—1939), которому удалось объединить вокруг журнала как писателей-реалистов, так и представителей символистского круга. Его сотрудниками в те годы были писатель Евгений Германович Лундберг и поэт Леонид Иванович Андрусон (1875—1930). В 1908 году права на издание перешли к Николаю Архиповичу Бенштейну (псевд. Архипов; 1880/1881—1945), под редакцией которого до 1916 года выходил «Новый журнал для всех».

¹⁴ Имеется в виду публикация записи фольклорной сказки «Жалостная девка» из собрания Н. Е. Ончукова в авторской переработке Ремизова. См.: *Ремизов А.* Жалостливая внучка // Новый день. 1909. 20 июля. № 1. С. 3. Впоследствии эта сказка (под названием «Жалостная») была включена в сборники Ремизова «Докука и балагурье» (СПб.: Сирип, 1914; цикл «Русские женщины») и «Русские женщины: народные образы» (СПб.: Скифы, 1918).

¹⁵ По воспоминаниям современника, писатель Борис Александрович Лазаревский (1871—1936) при знакомстве с литераторами рекомендовался: «Пишу как Чехов! Вот вы увидите, — я принесу свои книги...» (*Сергеев-Ценский С. Н.* Воспоминания // Москва. 2014. № 6. С. 206). Ялтинские встречи со своим кумиром он запечатлел в мемуарных очерках, появлявшихся в периодической печати с 1905 года. Один из таких очерков под кратким названием «А. П. Чехов» вошел в двухтомник Лазаревского «Повести и рассказы» (М., 1906. Т. 2). Для Ремизова имя писателя было связано с издательством «EOS», опубликовавшим его роман «Часы» (СПб., 1908). См. об этом главу «3. Моя библиография» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 213).

¹⁶ Ср.: Там же. С. 213—215.

¹⁷ Котылев Александр Иванович (1885—1917) — журналист-репортер, сотрудник бульварных изданий. Ср. спектр его литературной деятельности: «Написать заметку о ком-нибудь, поднять насчет той или иной вещи того или иного писателя шум» (*Сергеев-Ценский С. Н.* Воспоминания. С. 206). Котылев стал прототипом таких комических персонажей ремизовских произведений, как «Кот-и-Лев» из сказки «Волк-Самоглот» (1910) и начальник собачьей команды Черепов из рассказа «На птичьих правах» (1915).

¹⁸ Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946) — литературный критик, историк общественной мысли. Их знакомство с Ремизовым состоялось в конце апреля — начале мая 1908 года. Краткий экскурс в историю творческих контактов двух литераторов см.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944) / Публ. Е. Р. Обатиной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. заметка и комм. Е. Р. Обатиной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. II. С. 19—122, 244.

¹⁹ Статья «Испепеленный» впервые в качестве доклада была прочитана В. Я. Брюсовым на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 года.

²⁰ Повесть «Серебряный голубь» в 1909 году публиковалась частями в журнале «Весы» (№ 3, 4, 6, 7, 10—11, 12); отдельной книгой была выпущена издательством «Скорпион» в 1910 году. Приведенная здесь характеристика романа является позднейшим дополнением к тексту оригинального письма (см. Приложение). Ср. впечатление Ремизова от чтения первой главы в его письме М. А. Кузмину от 4 апреля 1909 года: «Читаете ли Вы „Серебряного голубя“? Очень уж стиль разнокалиберный и подчас так сладко — Ваня Новиков (И. А. Новиков. — Е. О.) за свое примет» (РНБ. Ф. 124. № 3617. Л. 19).

²¹ Подразумевается «Новый журнал для всех». Рассказ Ремизова «По этапу» появился в № 9 за 1909 год (с. 27—47).

²² Речь идет о развязке громкого судебного дела (1907—1908) над военачальниками Русско-японской войны — контр-адмиралом Николаем Ивановичем Небогатовым (1849—1922) и

генерал-адъютантом, комендантом крепости Порт-Артур Анатолием Михайловичем Стесселем (1848—1915). Первоначально по решению суда они были приговорены к смертной казни через расстрел за допущенные тактические ошибки, приведшие к капитуляции Порт-Артура и разгрому российской эскадры. Однако вскоре высочайшей милостью Николая II было удовлетворено ходатайство о замене высшей меры наказания десятью годами заточения в Петропавловскую крепость с лишением чинов и увольнением от службы. Заключительным аккордом этого дела стало объявление о помиловании осужденных. В № 20 журнала «Огонек» публиковались репортажные фотографии В. К. Буллы только что выпущенного на свободу А. М. Стесселя и рисунки художников С. Бжуховского и С. Шаха, в деталях иллюстрировавшие освобождение помилованных и их возвращение домой.

²³ Ср.: «Есть слух об еще одном новом журнале, затеваемом осенью в Петербурге. Журнал будет называться „Велес“. Во главе его должны стоять А. Ремизов и Серг. Городецкий» (Слово. 1909. 16 мая. № 979. С. 5). Литературные контакты Ремизова с Городецким развивались на почве интереса к русской мифологии. В 1906 году Ремизов выступал с чтением своих произведений на заседаниях «Кружка молодых», организованного Городецким в стенах Петербургского университета годом раньше. Альманах «Велес» был одним из проектов поэта, направленных на обновление символистской эстетики национальной идеей, обращением к истокам народного мифа. В частности, в 1909 году в журнале «Золотое руно» он опубликовал статью «Ближайшая задача русской литературы» (№ 4. С. 66—81), в которой уделил особое внимание авторским приемам Ремизова при литературной обработке апокрифов в книге «Лимонарь». Первый «альманах русских и инославянских писателей» «Велес» под редакцией Сергея Городецкого и Янко Лаврина вышел в свет в 1913 году (СПб.: Изд. «Велес», 1912—1913). Ремизов поместил в нем сказку «Царь Соломон» (с. 121—132). В критике имени двух литераторов нередко сопоставлялись по общности эстетических исканий. См., например: *Полонский Вяч.* Рассказы А. Ремизова и С. Городецкого // Всеобщий ежемесячник. 1910. № 9. С. 108—114. Принципиальные расхождения их творческих позиций прослежены в статье С. Н. Доценко «Два подхода к фольклору: С. Городецкий и А. Ремизов» (Пути развития русской литературы: Литературоведение. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1990. С. 116—138 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 883)).

²⁴ Саксаганская Анна Абрамовна (1876—?) — драматург, жена предпринимателя Н. Л. Саксаганского. См. также прим. 16.

²⁵ Обе сказки были опубликованы только в 1911 году: «Лютые звери» (Всеобщая газета. 1911 (1912). 31 дек. (13 янв.). № 827. С. 1—2), «Упырь» (Всеобщий ежемесячник. 1911. № 1. С. 19—21).

²⁶ Речь идет о цикле миниатюр «Бедовая доля. Ночные приключения» (Русская мысль. 1909. № 5. Отд. 1. С. 9—22). Подробнее об истории его создания см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 586—589.

²⁷ *Брюсов В.* Литературная жизнь Франции. 1. Народный театр Р. Ролана // Русская мысль. 1909. № 5. С. 147—158.

²⁸ Согласно протоколу Замятниной, в «Поэтической Академии» на «Башне» Вяч. Иванова 16 мая обсуждалось несколько вопросов, в том числе особенности русского народного стиха. В частности, речь шла о хоровом начале народной лирики. Дискуссия коснулась также принципов построения ритмической прозы и соотношения символа и мифа. В связи с последней темой рассматривался генезис авторского мифа современных поэтов Блока, Брюсова и Сологуба. Протокол собрания см.: *Гаспаров М. Л.* Лекции Вяч. Иванова в Поэтической Академии 1909 г. С. 104—106.

²⁹ Гофман Виктор (Виктор-Бальтазар-Эмиль) Викторович (1884—1911) — московский поэт-символист, в феврале 1909 года переехал жить в Петербург; сотрудничал в газетах «Речь», «Слово», «Современный мир». См. о нем: *Пяст. Вл.* Встречи. С. 101—102; *Гофман Л. В.* Биография Виктора Гофмана / Предисловие и публ. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 223—232; *Лавров А. В.* Виктор Гофман: между Москвой и Петербургом // Лавров А. В. Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 345—370. По-видимому, благодаря своим связям с московскими символистами, и прежде всего с редакцией журнала «Весы», Гофман вошел в круг слушателей лекций Вяч. Иванова в «Поэтической Академии». Согласно сохранившимся протоколам, он присутствовал на заседании 29 апреля (см.: *Гаспаров М. Л.* Лекции Вяч. Иванова в Поэтической Академии 1909 г. С. 97). Однако письмо Гофмана своему московскому корреспонденту от 27 апреля косвенно указывает на более раннее посещение подобных занятий на «Башне»: «Был однажды у Вяч. Иванова. Он, оказывается, читает здесь у себя на квартире молодым поэтам целый курс теории стихосложения, всё по формулам и исключительно с технической, с ремесленной стороны. Формулы свои пишет мелом на доске, и все за ним списывают в тетрадки. А какие-то дамы, так те каждое слово его записывают, точно в институте. Среди слушателей были поэты с некоторым именем (Гумилев, Потемкин, гр. Толстой). Остальные — какие-то неведомые юнцы. Держится Вяч. Иванов — куда более властно и надменно, чем Брюсов, все же учреждение это именуется академией поэтов» (Письма В. В. Гофмана к А. А. Шемшурину / Предисловие, публ. и комм. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга. С. 247).

³⁰ Гофман Модест Людвигович (1887—1959) — поэт символистского круга; в 1907 году был секретарем издательства Вяч. Иванова «Оры», в котором вышла в свет книга Ремизова «Лимонарь сиречь: Луг духовный». Одна из легенд книги («О месяце, звездах и откуда они такие») во второй печатной редакции (Ремизов А. Собр. соч. СПб., [1912]. Т. 7) сопровождалась посвящением: *Модесту Гофману*. См. воспоминания Гофмана о встречах с Ремизовым в 1906—1910-х годах: *Гофман М. Л.* Петербургские воспоминания. С. 120—133. Приведенное здесь прозвище является позднейшим дополнением к письму и служит намеком на гомосексуальные наклонности молодого поэта.

³¹ Возможно, речь идет о переговорах с В. В. Гофманом о рецензии на произведения Ремизова.

³² Алексей Николаевич Толстой (1882/1883—1945) с женой С. И. Дымщиц-Толстой были приглашены отдохнуть в коктельском доме М. А. Волошина. Кроме них гостями поэта в начале лета стали также Гумилев и Е. И. Дмитриева, М. М. Звягина и ее отец М. М. Звягин, М. К. Грюнвальд. Ремизовы тоже неоднократно приглашались присоединиться к литературной «коммуне», образовавшейся вокруг Волошина. Вопрос о совместном воляже в компании петербургских литераторов в Крым обсуждался еще весной 1909 года, однако супруги с самого начала исключали для себя подобного рода коллективный отдых. Ср. письмо Ремизова Кузминову от 4 апреля 1909 года: «На лето еще не думали, куда поедем. Денег совсем нет и не знаешь, как планы строить. А в Коктебель мы не поедем. В толкучке будет и скучно и невыносимо» (РНБ. Ф. 124. № 3617. Л. 19).

³³ Речь идет о подготовке второго номера «журнала стихов» «Остров». Первый номер, инициированный А. Н. Толстым и Н. С. Гумилевым, при посредничестве А. И. Котылева в качестве формального редактора-издателя вышел в свет в начале мая 1909 года. Второй номер журнала, над которым работал, среди прочих, поэт-сатириконовец Петр Петрович Потемкин (1886—1926), был отпечатан к концу августа, но так и не выкуплен из типографии. Подробнее о двух выпусках журнала см.: Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 317—350; см. также рецензию М. А. Кузмина на второй номер «Острова», в которой имя Ремизова, не принимавшего участие в этом журнале, возникает при сопоставлении с авторской стилистикой А. Толстого и С. Городецкого (Аполлон. 1909. № 3. Отд. 2. С. 46—48).

³⁴ Ауслендер Сергей Абрамович (1886 или 1888—1937) — писатель; племянник М. А. Кузмина; один из постоянных гостей Ремизовых в 1907—1909 годах; автор рецензий на произведения писателя: сказку «Морщинка» (1907) и пьесу «Бесовское действо» (1908). В журнале «Аполлон», первый номер которого вышел 24 октября 1909 года, Ауслендер как постоянный сотрудник редакции вел рубрику театральной критики.

³⁵ Отсылка к топонимике романа «Крестовые сестры», в котором описан быт и судьбы жильцов петербургского дома на Фонтанке, названного Ремизовым «Бурковым домом». Пробразом этого символического мира несчастных людей послужил дом в Малом Казачьем переулке, где располагалась квартира Ремизовых. Подробнее об автобиографических реалиях Петербурга, связанных с повестью, см.: *Топоров В. Н.* О «Крестовых сестрах» А. М. Ремизова: поэзия и правда // Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. С. 519—549.

³⁶ Федоров Александр Митрофанович (1868—1949) — поэт, драматург, прозаик, близкий друг И. А. Бунина (см.: *Федоров А. М.* Автобиография // Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 102—106). Имеется в виду публикация очерка: *Федоров А.* В Палестину // Речь. 1909. 16 мая. № 132. С. 2—3.

³⁷ Малахьева-Мирович Варвара Григорьевна (псевд. Мирович; 1869—1954) — писательница, поэтесса, литературный критик, автор рецензий на произведения Ремизова. Речь идет о следующем пассаже: «Неопределенное положение в „Русской мысли“ и „Весех“ уступило, наконец, место некоторой ясности. Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус окончательно отстранились от редактирования беллетристического отдела „Русской мысли“, предполагавшееся приглашение на этот пост В. Я. Брюсова не состоялось. В настоящее время беллетристической в качестве первой инстанции заведует г-жа Малахьева-Мирович. В „Весех“, после продолжительных распрей, выработался некоторый *modus vivendi* (...)» (Слово. 1909. 17 мая. № 789. С. 5; рубрика «Литература и искусство»). Просочившаяся в прессу информация интересовала Ремизова прежде всего в связи с изменениями в редакционном составе беллетристического отдела журнала «Русская мысль», выходявшего в 1907—1910 годах под редакцией П. Б. Струве и А. А. Кизеветтера. С конца октября 1908 года этот отдел возглавил Д. С. Мережковский, хотя в реальности составлением редакционного портфеля занималась З. Н. Гиппиус. Уже в начале отношения новых редакторов с руководителями журнала дали трещину. Причиной этого стала категорически негативная реакция П. Б. Струве и других членов редколлегии на предложение Мережковских напечатать в журнале текст доклада А. А. Блока «Россия и интеллигенция», прочитанного в Религиозно-философском обществе 13 ноября 1908 года (в 1913 году статья получила название «Народ и интеллигенция»). После московской редколлегии в ноябре 1908 года Мережковские остались заведовать литературным отделом лишь до весны, и то, как объясняла Гиппиус в письме Блоку 3 декабря 1908 года, только «для приличия и для того, чтобы не „посадить“ Кизеветтера» (Минц З. Г. Блок в полемике с Мережковскими // Минц З. Г. Алек-

сандр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 577). С этого времени наряду с Гиппиус вопросы публикации занимался ближайший сотрудник и член редакции «Русской мысли» С. В. Лурье, по мнению которого журнал требовалась незамедлительная реформа. Тогда же он предпринял конкретные действия, рассчитывая на оставившего к этому времени руководство «Весами» В. Я. Брюсова как на лучшую кандидатуру заведующего литературным отделом. Сперва тот отнесся к предложению Лурье благосклонно и даже начал создавать круг ближайших сотрудников (подробнее об этом см.: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» (к истории издания) // Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 305). В апреле даже состоялось редакционное заседание с его участием, описанное в брюсовском послании к супругам Мережковским. В ответном письме Гиппиус представляла своему восприемнику «широкое поле деятельности» и не скрывала глубокого убеждения, что «„Русская мысль“ загнила» (см.: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Filosofova с В. Я. Брюсовым (1906—1909) / Публ. М. В. Толмачёва, комм. Т. В. Воронцовой // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 217, 220). Однако фактическое утверждение Брюсова заведующим литературно-критическим отделом в «Русской мысли» состоялось только год спустя — в сентябре 1910 года.

³⁸ Подразумевается Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник» (СПб., 1907—1917. Кн. 1—26; редакторы-издатели С. Ю. Копельман и З. И. Гржебин).

³⁹ Денежный перевод был отправлен Г. Э. Тастевеном в счет авторского гонорара за представленную рукопись «Трагедии о Иуде, принце Искаротском».

⁴⁰ См.: На вечерней заре 1908. С. 151—152.

⁴¹ Фраза, заключенная в кавычки, является позднейшим дополнением к тексту оригинала (см. Приложение) и подразумевает популярность поэзии Владимира Яковлевича Ленского (наст. фам. Абрамович; 1877—1937) в 1900-е годы. Между тем контекст оригинального письма 1909 года (см. Приложение) был соотнесен с содержанием тридцатого номера газеты «Утро», вышедшего в понедельник 18 мая и завершившего историю существования этого общественно-политического и литературного издания (редакторы Д. Г. Мунтянов и И. М. Василевский). В разделе «Календарь писателя» здесь была помещена реплика, касающаяся литературного плагиата — модной репортерской темы, получившей широкое развитие на страницах газет в 1908—1910 годах (подробнее об этой тенденции см.: *Данилова И.* Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). Helsinki, 2010. С. 107—108). В начале 1909 года издатели газеты «Утро» изобличили в литературном воровстве Вл. Ленского, который «под своим именем выпустил в свет книгу стихов безвременно умершего поэта Н. Филиппова (Из Яна Каспровича, пер. с чешского <sic!>)» (Утро. 1909. 2 янв. № 29. С. 4). В действительности речь шла о сборнике: *Каспрович Ян*. 1. Взморье смерти. 2. Dies irae. 3. Моя вечерняя песня. Поэмы / Пер. с польского Вл. Ленского. СПб.: «Мир» В. Л. Богушевского, [1908]. Ленский опротестовал это обвинение в «Письме в редакцию», помещенном в газете «Слово» с приложением реплики Ремизова в защиту его литературной чести: «В № 29 газеты „Утро“, издаваемой И. М. Василевским, появилась заметка, в которой сообщается, что я издал под своим именем перевод из Яна Каспровича, якобы принадлежащий умершему поэту Н. Филиппову. Ниже помещенное письмо А. Ремизова, единственного лица, знакомого с рукописью Филиппова, свидетельствует полное отличие моего, стихотворного, перевода от перевода Филиппова, сделанного прозой. Оклеветавшего меня г. Василевского я привлекаю к суду чести, учрежденному съездом писателей. Вл. Ленский». В своем обращении, помещенное здесь же, Ремизов разъяснял историю создания сборника: «М. г., г. редактор! Считаю своим долгом засвидетельствовать, что переводы из Яна Каспровича Вл. Ленского, изданные Богушевским, отличаются от переводов Н. Ф. Филиппова († 1907 г.), рукописи которого мною были переданы Вл. Ленскому для издания. Переводы Филиппова сделаны прозой, переводы Ленского стихами. А. Ремизов» (Слово. 1909. 3 янв. № 667. С. 5). Возвращаясь к этому скандальному сюжету в номере «Утра» от 18 мая и продолжая травлю поэта, ведущий рубрики «Календарь писателя» описывая положение «литературных дел» почти полгода спустя: «Оказывается, есть еще более удобный способ для плагиаторов. Способ этот применит Вл. Ленский. Когда мы напечатали сообщение о том, что Вл. Ленский плагиатор, и точно указали, какие именно книги украл Вл. Ленский у покойного Филиппова — Вл. Ленский задрапировался в тогу благородного негодования. „Меня оклеветали!“ (<—>) заявил он в письме в редакцию „Руси“: „Я привлекаю редактора „Утра“ к суду чести“. Вот уже 4 ½ месяца как безрезультатно „привлекает“ Вл. Ленский „клеветника“ к суду, но ни одного шага до сих пор не сделано. (<...>) Надолго г. Вл. Ленскому никого не обмануть. Отказ его от возмещенного им же суда ни что иное, как собственноручная расписка в несомненности заслуг потомственного почетного плагиатора» (Утро. 1909. 18 мая. № 30. С. 4).

⁴² Подразумеваются петербургские поэты Дмитрий Михайлович Цензор (1879—1947), Яков Владимирович (Вульфович) Годин (1887—1954) и Александр Степанович Рославлев (1883—1920). Очевидно, знакомство Ремизова с Годиным началось с литературных вечеров «Кружка молодых», проходивших зимой 1905/1906 года (подробнее о нем см.: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 146; см. также: *Азадовский К.* Эпизоды // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 111—121).

⁴³ Речь идет о публикации новеллы «Спорыш» из «посолонного» цикла (Журнал Театра Литературно-художественного общества. 1909. № 6. С. [10]). Этот журнал издавался при част-

ном театре А. С. Суворина, образованном как театр Литературно-артистического кружка (1895—1917). В 1909 году, когда здоровье А. С. Суворина было сильно подорвано смертельной болезнью, финансовыми делами занимался его сын Борис Алексеевич Суворин (1879—1940).

⁴⁴ Рябушинский Николай Павлович (1876—1951) — капиталист-меценат, издатель журнала «Золотое руно». Переписка Ремизова с секретарем редакции Г. Э. Тастевеном вращалась вокруг не предоставленного ему аванса. По уверениям Тастевена, проблема заключалась в отсутствии Рябушинского в Москве. В частности, в письме от 6 мая он в очередной раз невнятно отвечал Ремизову: «До сих пор, к сожалению, абсолютно не мог исполнить Вашей просьбы, т(ак) к(ак) Н(иколай) П(авлович) вопреки ожиданию еще не вернулся и когда он вернется в точности не могу сказать, но думаю, что на днях. Поверьте, что мне вся эта история не менее неприятна, чем Вам» (РНБ. Ф. 634. № 214. Л. 13 об.).

⁴⁵ Гиппиус Татьяна Николаевна (1877—1957) — художник; Гиппиус Наталья Николаевна (1880—1963) — скульптор. Младшие сестры З. Н. Гиппиус.

⁴⁶ Подразумевается переработка записи фольклорной сказки из собрания Н. Е. Ончукова «Мужик-еретик и разбойники» (Ремизов А. Про мертвеца и про разбойников: Сказка // Сатирикон. 1909. № 35. С. 6—7). Впоследствии она вошла в ремизовский сборник «Докука и балагуры. Народные сказки» (СПб., 1914) под названием «Разбойники».

⁴⁷ Пергамент Осип Яковлевич (1868 — 16 мая 1909) — адвокат, общественный деятель, писатель, депутат II и III Государственной Думы от г. Одессы. По сообщениям печати, Пергамент, находившийся к этому времени под следствием по обвинению в пособничестве мошеннице Ольге фон Штейн, умер от внезапного апоплексического удара. Судебное разбирательство вокруг известного адвоката имело скандальный характер. См. сообщения о его кончине и статью «У гроба О. Я. Пергамента» (Речь. 1909. 17 мая. № 133. С. 4).

⁴⁸ В реальности Ремизов сделал заключение о возвращении Рябушинского из Парижа по факту публикации его «Письма в редакцию» в газете «Слово», в котором была опротестована ранее размещенная здесь информация об упадке литературного престижа журнала «Золотое руно» вследствие того, что его редакцию покинула «вся группа петербургского „союза“ и большинство местных литераторов» (Слово. 1909. 19 мая. № 800. С. 5).

⁴⁹ Речь идет об иконе Андрея Рублева «Троица» (или «Гостеприимство Авраама»), которая находилась в Троицкой церкви Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (Сергеев Посад). Интерес именно к этой, не прославленной своими чудотворными свойствами, иконе среди интеллигенции возрос после открытий, сделанных искусствоведами и реставраторами на рубеже XIX—XX веков, которые в корне изменили восприятие иконописи. Иконы из предметов культа стали предметом изучения многовековой культуры русской духовной живописи. В 1904 году «Троица», как и многие другие иконы, была высвобождена из чеканного золотого оклада времен Бориса Годунова, который, несомненно, придал ей богатый вид и статус почитаемой реликвии, однако в течение веков скрывал под своей золотой «броней» собственно иконописное полотно, которое к этому времени претерпело многократное поновление, изменившее первоначальный образ. Сложную работу по раскрытию предшествующих слоев провел иконописец и реставратор В. П. Гурьянов. Обретшая новый живописный облик (как известно, совершенно далекий от рублевского шедевра XV века, который был возвращен в ходе реставрации 1918-го и 1930-х годов), икона вновь была перенесена в иконостас Троицкой церкви, где находилась до 1920 года. Научное исследование русской иконописи с фотографической фиксацией гурьяновского поновления «Троицы» было опубликовано в журнале «Золотое руно» и, несомненно, оказалось в поле внимания Ремизовых. См.: Успенский А. И. Иконописание в России до 2-й половины XVII в. // Золотое руно. 1906. № 7—8—9. С. 22—24.

⁵⁰ Щеколдин Федор Иванович (1870—1919) — литератор, банковский служащий, товарищ Ремизова по северной ссылке, с которым он познакомился в Усть-Сысольске в 1902 году. Подробнее о нем см.: Дворникова Л. Я. Из истории прототипов книги А. Ремизова «Иверень» (Ф. И. Щеколдин) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 231—242. Дале: Алексей Ремизов 1994.

⁵¹ Киенский Николай Иванович (1871—1915) — драматический актер. Согласно докладным запискам директору Императорских театров, составленным Вс. Э. Мейерхольдом и Ю. Э. Озаровским в 1910 году, за Киенским, работавшим в Александринском театре (сезон 1909/1910 года) на вторых ролях, утвердилось амплуа бытового героя (Творческое наследие В. Э. Мейерхольда / Ред.-сост. Л. Д. Вендровская, А. В. Февральский. М., 1978. С. 28).

⁵² Вторая жена В. В. Розанова (урожд. Руднева, в первом браке — Бутягина; 1864—1923).

⁵³ Новицкий Григорий Петрович (1885 — не ранее 1950) — поэт, «узко специализировавшийся на ночной публике Невского проспекта» (Авг. Вечер северной свирели // Сатирикон. 1908. № 28. С. 6—7). В сборнике «Необузданные скверны» (СПб., 1909) опубликовал стихотворение «Поэт», предварявшееся посвящением «А. Н. (sic!) Ремизову» (с. 110). Вместе с Ремизовым, Сологубом, Городецким, Рославлевым и другими выступал на вечерах «Северной свирели». См. об этом заметку в газете «Новая Русь» (1908. 13 окт. № 59), а также отзыв А. Блока «Вечера искусств» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 304—308). См. также заметку «Григорий Петрович Новицкий» в рабочей тетради Ремизова, по содержанию сходную с авторским комментарием к настоящему письму (Алексей Ремизов 1994. С. 223). Ср. также письмо Ивано-

ва-Разумника Ремизову от 4 февраля 1909 года: «...получил на днях от некоего Григория Новицкого книжку стихов „Необузданные скверны“. Действительно, уж так скверно, что заглавие вполне подходит. Ни капли таланту, масса претензии, впечатление почти юмористическое. И как это Вы позволили автору посвятить Вам какое-то его блудописание?» (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944). С. 31). Эротическая направленность стихов этого сборника послужила причиной ареста его тиража по статье 1002 Уложения о наказаниях. Сообщение об этом под названием «Расплата за „необузданные скверны“» было напечатано 30 ноября 1909 года в вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости». Здесь было процитировано судебное заключение, неизвестный автор которого, очевидно, получил определенное художественное впечатление от стихов Новицкого: «Григорию Новицкому ставится в вину, что он в ряде литературных рифмованных отрывков „восхваляет разврат, заманчиво его описывая... и что в своей книге он заведомо поместил явно противоречащие нравственности и благопристойности сцены и рассуждения, имеющие целью в литературной форме описать наслаждения, доставляемые мужчине не только половым сношением с женщинами и прикосновением женского тела, но и особым возбуждением при мысли о ногах женщины» (1909. № 11442. С. 3). См. также отклик на «Необузданные скверны» в рубрике «Вести отовсюду», подписанный криптонимом «Ю.» (Золотое руно. 1909. № 1. С. 110). Подробнее о Новицком см. в статье Т. М. Двинятиной (Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 346—348).

⁵⁴ Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943) — государственный и политический деятель, юрист, публицист, лидер партии кадетов; с февраля 1906 года был соредактором (с П. Н. Милюковым) газеты «Речь».

⁵⁵ См. прим. 25.

⁵⁶ Очевидно, речь идет о лубке с юмористическим сюжетом.

⁵⁷ В результате авторедактирования искажен смысл текста оригинального письма (см. Приложение), в котором речь шла не о сказке «Караван-Горюн», а об издании книги под таким названием. Содержание сборника «Караван-Горюн», составленного из произведений 1903—1908 годов, см. в письме Ремизова К. И. Чуковскому от 25 мая 1909 года (Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского / Вступ. статья, подг. текста и комм. И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой // Русская литература. 2007. № 3. С. 153). Этот проект был осуществлен в издательстве «Прогресс»: книга вышла из печати в конце 1909 года под названием «Рассказы» (на титуле: СПб., 1910).

⁵⁸ Кулаков Петр Ефимович (1867—?) — один из директоров-распорядителей книгоиздательского товарищества «Общественная польза», контора которого располагалась в районе Коломны (Никольский пер., 8), в одном здании с редакцией газеты «Речь». Издательство выпускало печатную продукцию, рассчитанную на совершенно разные слои читающей публики — от научных трудов до современной беллетристики и книг просветительского характера для малообразованных людей.

⁵⁹ Пяст Владимир Алексеевич (наст. фам. Пестовский; 1886—1940) — поэт, критик, специалист по теории стиха, переводчик. Приятельские отношения Ремизова с Пястом начались в 1905 году. Ремизов способствовал вхождению молодого поэта в круг петербургской символистской элиты, в частности, познакомил его с Вяч. Ивановым. В 1905—1909 годах как студент филологического факультета Петербургского университета Пяст был тесно связан с «Кружком молодых», организованным С. Городецким. Подробнее о нем см. во вступительной статье З. Г. Минц к переписке А. А. Блока с Пястом (Лит. наследство. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 175—192); см. также: *Тименчик Р.* Рыцарь-несчастье // Пяст Вл. Встречи. С. 5—20.

⁶⁰ Зоргенфрей Вильгельм Александрович (1882—1938) — поэт; познакомился с Ремизовым в 1905 году, когда начал публиковать свои стихи в журнале «Вопросы жизни» (№ 3 и 6); друг А. А. Блока.

⁶¹ Нестабильность психического здоровья Пяста проявлялась в тяжелых приступах неврастения, связанных с маниакальными фобиями, которые несколько раз даже приводили его к попыткам суицида. Известно письмо Пяста Ремизову, написанное в 1906 году из Мюнхена, где во время летнего семестра в университете он вынужден был пройти лечение в психиатрической клинике. Вспышка нервного расстройства была вызвана болезненной фантазией, будто В. Я. Брюсов присвоил себе рифмы, имевшие для него значение «вещественной ценности». Другой случай, на этот раз угрожавший жизни Пяста, произошел 20 сентября 1908 года. Сообщения о неудавшейся попытке самоубийства под колесами поезда, предпринятой студентом университета, попали в сводку газетных новостей. Вместе с тем психические отклонения, по признанию современников, не разрушали цельности и высокой культуры его творческой личности. Подробнее об этом см. в биографической статье Р. Д. Тименчика о Пясте (Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 229).

⁶² Первая жена Вл. Пяста — Н. А. Пестовская (1885 — после 1940).

⁶³ Александрова Зоя Владимировна — одна из представительниц «колонии» ссыльных, упоминается в романе Ремизова «Иверень» (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами; по именному указателю). Сохранился шуточный «некролог», написанный Ремизовым на освобождение Александровой из-под надзора полиции 1 сентября 1902 года

в Вологде. В рукописи этого текста из альбома «Некрологи при разъезде ссыльных по окончании срока. Вологда. 1901—1903» имеется помета «лесгафтичка», очевидно, указывающая на образование Александровой, полученное на Курсах воспитательниц и руководителейниц П. Ф. Лесгафта в Петербурге (см.: Remizov and S. Remizova-Dovgello Papers // Amherst College Center for Russian Culture (USA). Series 1. Subseries 2. Box 11. Folder. 14. P. 8—10).

⁶⁴ Речь идет о прислуге.

⁶⁵ В автобиографическом романе «Люди сороковых годов» (1869) А. Ф. Писемский, изображая годы своего обучения в костромской гимназии, в образе учителя Дрозденко вывел узнаваемый портрет преподавателя математики Николая Павловича Самойловича (1808—?), родственника матери С. П. Ремизовой-Довгелло — А. Н. Довгело (урожд. Самойлович). О костромских корнях жены Ремизова см.: *Ремизов Б. Б.* 1) Родные С. П. Ремизовой-Довгело в произведениях А. М. Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб.; Салерно, 2003. С. 367—368 (Europa Orientalis. 4); 2) Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и восприятии ее близких // Алексей Ремизов 1994. С. 267.

⁶⁶ Бартрам Николай Дмитриевич (1873—1931) — искусствовед, музейный деятель, лекционер народной игрушки. См. о нем: Н. Д. Бартрам: Избранные статьи. Воспоминания о художнике. М., 1979. Экспозиция игрушки, организованная Бартрамом, периодически освещалась в газете «Русское слово» (см.: *Яблоновский*. Игрушка // Русское слово. 1909. 1 нояб. № 251. С. 3; С. Р. Выставка игрушек прошлого и настоящего // Там же. 3 нояб. № 252. С. 6), а также на страницах журнала «Искры». В частности, в № 45 была помещена фотография игрушки из коллекции Ремизова «Дормидошка» (sic!). В связи с этой публикацией писатель даже намеревался опротестовать надпись под фотографией. Сохранилось его письмо в редакцию газеты «Русское слово» от 22 октября 1909 года: «г. Редактор! Не откажите напечатать следующее мое заявление. В № 45 журнала „Искры“ изображена в числе экспонатов выставки игрушек прошлого и настоящего игрушка „Дормидошка“ с подписью „работа г. Ремизова“, но это вовсе не моя работа, а лица, имя которого я не уполномочен назвать, мне же только принадлежит игрушка» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 25. Л. 9).

⁶⁷ Верховский Юрий Никандрович (1878—1956) — поэт, переводчик, историк литературы, специалист по русской поэзии начала XIX века. Ср. о нем воспоминания Ремизова, относящиеся к 1905 году, когда сформировался круг друзей молодого филолога и его литературные пристрастия: «...Ю. Н. Верховский, известный под „обезьяньей“ кличкой Слон Слонович, „фигурный“ враг В. Ф. Ходасевича и „заковычный“ друг М. Л. Гофмана, оба одновременно негласно трудился над Дельвигом» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 248).

⁶⁸ Садовской Борис Александрович (наст. фам. Садовский; 1881—1952) — поэт, прозаик, критик и историк литературы.

⁶⁹ «Русское богатство» — ежемесячный литературный и научный журнал, издававшийся в Петербурге в 1876—1918 годах. С 1904 года его редакцию возглавлял В. Г. Короленко.

⁷⁰ 9 мая 1909 года Мережковские вместе с Философовым отбыли в Германию, с короткой остановкой в Париже, а к 16 июня перебрались в Швейцарию.

⁷¹ Прозвище Верховского, придуманное Ремизовым, впервые проникло на страницы печати при публикации сказки «Лютые звери» (см. прим. 25), где есть соответствующий персонаж.

⁷² Подразумевается петербургский журнал «Всемирная панорама» (1909—1916; редактор-издатель Б. А. Катловкер). В его майском номере была опубликована только одна сказка Ремизова (см. прим. 83). Вторая — «Мышенки» — появилась на страницах сборника «Италии. Литературный сборник в пользу пострадавшим от землетрясения в Мессине», выпущенного издательством «Шиповник» (СПб., 1909. С. 151—152).

⁷³ Трубецкой Павел (Паоло) Петрович (1866—1938) — скульптор; получил первую премию в конкурсе на монумент в память Александра III, который был установлен на Знаменской площади (ныне площадь Восстания). В настоящее время памятник перенесен во двор Мраморного дворца. Его первоначальное местоположение было определено тем, что Николаевский (ныне Московский) вокзал считался нулевой точкой Транссибирской магистрали, строительство которой началось в царствование Александра III. Поэтому на постаменте высечено посвящение: «Державному основателю Великого Сибирского пути».

⁷⁴ Н. С. Бутова.

⁷⁵ О. Л. Книппер-Чехова.

⁷⁶ Н. А. Ремизова — дочь Ремизовых.

⁷⁷ Д. И. Коломойцева — жена А. П. Зонова.

⁷⁸ Копельман Соломон Юльевич (1880—1944) — совладелец (с З. И. Гржебиным) издательства «Шиповник» и одноименного альманаха.

⁷⁹ См. прим. 57.

⁸⁰ Подразумеваются Альманахи издательства «Шиповник».

⁸¹ Неустановленное лицо.

⁸² О какой публикации идет речь, установить не удалось.

⁸³ Подчеркнуто Ремизовым. Речь идет о публикации: *Ремизов А.* Небо пало (Детская сказка) // Всемирная панорама. 1909. 22 мая. № 5. С. [10].

⁸⁴ В. А. Шалаурова.

⁸⁵ Имеется в виду частная переписка, хранившаяся в родовых усадьбе жены Ремизова. Подобного рода документы русской бытовой культуры прошлых веков легли в основу рассказов книги «Россия в письменах», первый том которой был выпущен берлинским издательством «Геликон» в 1922 году. Рукопись второго тома сохранилась в архиве писателя (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 11).

⁸⁶ Подробный анализ этой истории см.: *Данилова И.* Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). С. 98—124.

⁸⁷ Традиция сигнального выстрела из вестовой пушки, расположенной на бастионе Нарышкина в Петропавловской крепости, была установлена в Петербурге с первых лет строительства города и первоначально служила для оповещения о наступлении полудня, об окончании работ, о торжественных событиях и начале наводнения. Здесь подразумевается орудийный залп в честь церемонии открытия памятника Александру III.

⁸⁸ Р. И. Бриллиант — знакомая Ремизовых.

⁸⁹ Гостьей Ремизова была одна из двух молодых поэтесс, направлявшихся 22 мая через Москву в Коктебель, — Елизавета Ивановна Дмитриева (1882—1928) или ее подруга Майя Михайловна Звягина (1886—1942). Ср. письмо Дмитриевой Волошину от 22 мая, в котором она сообщала: «...уже взяты билеты, и вот как все будет: 25 мая, в понед(ельник), мы с Гумилевым едем, с нами Майя и ее отец. В Москве мы остаемся до 27-го, а потом (...) едем дальше, по моим расчетам мы приедем в субботу в 7 ч(асов) утра в Феодосию...» (Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной. Жизнеописание. Письма 1908—1928 годов. Письма Б. А. Лемана к М. А. Волошину. С. 43).

⁹⁰ М. В. Добужинский.

⁹¹ Бальмонт Константин Дмитриевич (1869—1942) — поэт, критик, эссеист, переводчик; в 1909 году — политический эмигрант, жил в Париже, путешествовал. Здесь упоминание Бальмонта оторвано от контекста письма (см. оригинал в Приложении), в котором его имя называлось в связи с представителями московского литературного круга. В частности, косвенно упоминалась художница и поэтесса М. В. Сабашникова, которая была племянницей второй жены Бальмонта — Е. А. Бальмонт (урожд. Андреевой).

⁹² Имеется в виду криминалистическая фотофиксация с изображением безжизненных тел трех преступников, опубликованная на последней странице журнала «Огонек» под названием «Трагический конец похажений черниговского „Ринальдо-Ринальдини“» и с пояснением: «Известный разбойник, бывший реалист, Савицкий (1) и его ближайшие товарищи: бывший аптекарский ученик Гуревич (2) и Калугин (3). Все трое были убиты полицейской облавой в начале мая в Красном Селе, под Гомелем» (Огонек. 1909. № 21. 23 мая (5 июня)).

⁹³ Неустановленное лицо.

⁹⁴ Подразумевается сочиненная А. Рославлевым сатира «Третья дикая игрушка...» (Русская эпиграмма / Вступ. статья и прим. В. Васильева. М., 1990. С. 256).

⁹⁵ Обстоятельства жизни Е. Г. Лундберга в 1900-е годы см. в его автобиографии 1913 года (*Лундберг Е. Г. I.* Автобиография. II. Письма к А. М. Ремизову / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 319).

⁹⁶ Женский Страстной монастырь основан в Москве в 1654 году; снесен в 1937 году. В настоящее время на его месте располагается памятник А. С. Пушкину, сквер и кинотеатр «Пушкинский».

⁹⁷ Речь идет о «старшем» дворнике.

⁹⁸ Подразумевается издание сборника рассказов Ремизова под названием «Караван-Горю». См. прим. 57.

⁹⁹ См. прим. 94.

¹⁰⁰ Маркс Адольф Федорович (1838—1904) — издатель, с 1870 года наряду с книгами выпускал ежемесячный журнал «Нива», предназначенный «для семейного чтения». После его смерти издательство получило название «Товарищество издательского и печатного дела А. Ф. Маркса».

¹⁰¹ Чуковский Корней Иванович (1882—1962) — в 1909 году журналист и литературный критик; впоследствии детский поэт и литературовед. Историю отношений Ремизова и Чуковского см.: Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского. С. 132—180.

¹⁰² Светлов Валерян Яковлевич (наст. фам. Ивченко; 1860—1934) — литератор, историк балета, театральный критик. В 1904—1915 и 1916—1917 годах был редактором «Нивы».

¹⁰³ Речь идет об авансе за сказку «Про мертвеца и про разбойников» (см. прим. 46).

¹⁰⁴ *Шестов Л.* Поэзия и проза Федора Сологуба // Речь. 1909. 24 мая. № 139. С. 2—3.

¹⁰⁵ О встречах с поэтом Ремизов вспоминал в письме к В. Ф. Маркову от 22 ноября 1956 года: «Хлебников при первом свидании мне показался прописной узорной буквой. Без голоса. Читал он невразумительно. „Планетчик“, хотел орусить весь земной шар» (Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову / Публ. В. Ф. Маркова // Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Bd 10. S. 438).

¹⁰⁶ Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1868—1943) — переводчик, издатель философской литературы; официальный редактор журнала «Вопросы жизни» (1905). В 1904 году в его

издательстве была выпущена книга А. Леклера «К монистической гносеологии» в переводе Ремизова. В 1908 году Жуковский женился на поэтессе, переводчице А. К. Герцык и переехал в Москву.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Оставляю билет № 90: у меня в том же ряду № 95. Где тебе понравится, там и садись. В «Бирж(евых) Ведомостях» написано, что лекция состоится.

Никого у нас не было. Без тебя всегда скучно. Так не делается ничего.

⟨СПб.⟩ 17 января 1909 7 часов вечера

А. Ремизов

Купил хлеба черного и белого. А то ночью нечего будет есть. Печку закрыл.

А. Р.

2

⟨СПб., весна 1909⟩

Гумилев зайдет в 9 час(ов). Он был у нас, обещал достать 10 рублей, передаст их мне. Он тебя, деточка, сопровождать будет к Вяч. Иванову. Я сказал ему, чт(о)б(ы) он затворился в моей комнате и, пока не покличешь его, не выходил бы.

Была Валентина Александровна ⟨Шалаурова⟩.

А. Ремизов

Я съел ½ рыбы.

3

⟨СПб.⟩ С 14-го вечера — 15-ое (11 ч(ас) н(очи)) ⟨мая⟩ 1909

№ 1

Теперь, деточка, никто не придет, хочу скоро лечь — письмо тебе напишу, да про Якова Степановича, его разговор еще поправлю. Заходил Арк(адий Зонов), были у Рериха, туда пришел Коммиссарже(вский). До 1/2 6-го толковали. Решили пока, что в гастроли везти «Иуду» ⟨«Трагедию о Иуде, принце Искаротском»⟩ неудобно — не поспеть Рериху. Свидание должно состояться в сентябре, за зиму Рерих напишет эскизы. В «З(олотое) Р(уно)» они, наверное, не попадут. Вот сидели и толковали: как Обезьян(ьего) царя представить и др(угие) разные вопросы о декорациях и костюмах.

Встал в 10 час(ов), думал: за пианино придут, а пришли за ним без меня, когда я был у Рериха. Оставили «условия» — это документ, сохраню. В сегодн(яшнем) «Нов(ом) Вр(емени)» статья Буренина — ругает «Ночь у Вия», не посылаю тебе, неинтересно, а все-таки оставлю. Писем нет. «Сатирикон» и «Тропинка», больше ничего. В газетах новостей нет выдающихся.

Все прибирался. Белья выглядела ⟨sic!⟩ уже много. Пересчитываю и укладываю. Кроме Аркадия никого не было.

Как же ты, деточка, доехала? Походи, посмотри Москву — Новодев(ичий) монастырь посмотри, Симонов (хорошо бы к обедне ранней поспеть — там бесов заклинали раньше, может, как-нибудь справиться предварительно).

Что еще донести тебе: во сне видел Тотеша, уж жив ли он! А вдруг да пожалует. Пишу, деточка, хоть вкратце (не знаю, кажется, е — «крайне, туне, вообще, прежде и еще» — пишется е).

И не беспокойся, поживи, если будет возможность.

Благословляю тебя, будь спокойна, осторожнее через улицу переходи, на трамвай не вскакивай.

А. Ремизов

4

⟨СПб.⟩ 16 мая 1909

12 ч⟨асов⟩ ночи

№ 2

К Вячеславу ⟨Иванову⟩ не пошел: надоели мне эти «поэты», опять чтение и ⟨1 слово стерто. — Е. О.⟩, совсем не хочется. Так и не пошел. Был в «Ж⟨урнале⟩ д⟨ля⟩ В⟨сех⟩». Одну сказку: «Жалостн⟨ая⟩ внучка» приняли и выдали 10 руб⟨лей⟩ за нее, да еще получил 40 р⟨ублей⟩. Хотел сегодня заплатить за квартиру, да старшего ⟨дворника⟩ не оказалось дома, завтра вызываю его к себе, кстати, насчет потолка, где протекает, указать ему хочу, ну, главное-то, уже 17-ое завтра, — только так и возможно заплатить, не дожидаясь вторника.

В «Ж⟨урнале⟩ д⟨ля⟩ В⟨сех⟩» видел Лазаревского, который живет под Конотопом и в Бахмаче вылезает (рассказывал он, что в понедельник едет). Не забудь, деточка, тебе на Брянский вокзал, поезд скорый, без остановки проедешь долгий Бахмач.

Ну, у меня, стало быть, неожиданно появилось еще 10 руб⟨лей⟩, так что ты не беспокойся. А вот я насчет тебя все думаю, не послать ли мне тебе телеграфом во вторник, когда получу в «Речи» 25 р⟨ублей⟩?

Напишу еще Котылеву, что с теми сказками. Из «Шиповника» так и нет ответа. Без меня приходил Ив⟨анов⟩-Разумн⟨ик⟩, оставил карточку, предлагает мне приехать завтра к нему в Царское. Я не поеду.

Вечером принесли «Весы» № 4 (прочитал статью Брюсова о Гоголе и дальше II главы «Серебряного голуб⟨я⟩» Анд⟨рея⟩ Белого), «Н⟨овый⟩ Ж⟨урнал⟩ д⟨ля⟩ В⟨сех⟩» № 5 (моего «По этапу» нет). Купил «Огонек» № 20 (Стессель и Небогатов изображены). Писем не было.

В газетах выдающегося ничего нет. В «Слове» заметка, что я и Городецкий стоим во главе журнала «Велес». Что подделаешь?

По дороге видел Саксаганского, тебе кланяется. Выставил рамы — жара сегодня летняя.

Во сне видел, будто еду через границу Финляндии к морю, а говорят, очень опасно, море будто — чего-то вроде морского землетрясения.

Белье подано все исправно.

Так и день прошел. Скоро от тебя письмо получу. Любопытно: что Москва тебе рассказала.

Благословляю тебя, деточка, будь осмотрительна. А действительно, получу я деньги, выслать тебе, ведь, следует, цепочку купишь, если возможность будет достать.

А. Р.

Да, вот и прошлую ночь и эту ночь, проснусь, и ведь уверен, что ты лежишь спишь, и утром тоже, а посмотрю — нет.

〈СПб.〉 17 мая 1909

11 ч(асов) ночи

№ 3

Так меня сегодня обманули немилосердно: не напечатали, ведь, «Лютых звезд» и «Упыря»! Пойду во вторник с объяснениями. Буду искать правды: второй раз надувают.

Писем нет. Принесли «Рус(скую) М(ысль)» № 5: «Бедовая доля» напечатана. Посылаю письмо в «Р(усскую) М(ысль)» (в контору), прошу счет прислать, мне кажется, я уж ничего им не должен. Из статей в «Р(усской) М(ысли)» есть Брюсова о франц(узском) театре.

Заходил на 10 мин(ут) Гумилев. Кланялся тебе. Сообщил, что вчера у Вячеслава разговор шел о «прозе». 〈1 слово стерто. — Е. О.〉 не было и Викт(ора) Гофмана не было (так что о рецензии Гумилев не говорил).

Толстой уезжает завтра в Коктебель, а Гумилев туда же в понедельник. Сегодня назначено было собрание «Острова» в кофейне, но ни Потемкин, ни Толстой не явились.

О том, что ты уехала, Гумилев не знает, стало быть, и никому там неизвестно. Ауслендер не передал.

Форточка в столовой до сих пор открыта. На дворе играют на инструментах разных, помнишь, как и прошлой весной, деревья вокруг распустились и уж там, где каменный уголь зимой лежит, зелено.

Старшему 〈дворнику〉 заплатил за май. Разговаривал с ним о ремонтах.

Завтра газеты не будет. А во вторник я пойду в «Речь», буду с ними разговаривать. Я так мечтал послать тебе, деточка, денег. Еще не пропало дело.

Напечатали вместо меня Федорова А. М. о Палестине.

Во сне что-то видел хорошее, да забыл.

Сегодня в «Слове» написано, что в «Р(усской) М(ысли)» Брюсов не заведует никаким отделом, «не сговорился», а что по отделу беллетристики в первой инстанции В. Г. Мирович.

Все-таки хорошо, что я вчера 10 руб(лей) получил от Бенштейна за сказку.

Написал я письмо Котылеву о тех (3-х сказках) и в «Шиповник». Может быть, напишу Ив(анову)-Разумнику, а то он сегодня приглашал меня, ответить надо.

Не унывай, деточка, не беспокойся, смотри Москву.

Благословляю тебя, ходи по белокаменной.

А. Ремизов

От Виктора 〈В. М. Ремизов〉, ведь, я должен получить в конце месяца. Ты не веришь? — Получу!

〈СПб.〉 18 мая 1909

№ 4

Утром получил перевод на 50 р(ублей) из «З(олотого) Р(уна)» (отправлены деньги 16-го). Стало быть, в два дня доходят. На отрез(ном) купоне написано: «Посылаю ту сумму, которую оказывается возможным послать теперь, надеюсь, что это несколько поможет Вам расплатиться с Вашими кредиторами». Завтра телеграфом пошлю тебе 25 р(ублей).

Приходила днем Антонина Николаевна <Зонова> с Атей. Спрашивала твой адрес, хотела послать тебе телеграмму для передачи Аркадию <Зонову>, что ему деньги высылаются. 10 руб<лей> на имя его брата (в лагере). Увидишь Аркадия, передай ему — 10 руб<лей> получить хорошо. А адреса твоего я не дал, потому что телеграмма тебя испугала бы, я сказал, что лучше напишу письмо — что ты могла и уехать.

Сегодня вышло «Утро» (понедельник) — там опять про Ленского написано.

Во сне видел Суворина, будто он спрашивает меня, не мало ли мне заплатили за «Спорыш» в «Л<итературно->х<удожественн>ом журнале», а потом я сел на него и поехал.

В «З<олотое> Р<уно>» посылаю письмо, спрашиваю, когда остальные деньги, которые мне очень нужны. Может быть, еще поговорить бы с Тастевеном (Генрих Эдмундович) по телефону, спросить, приехал ли Н. П. Рябушинский и когда остальные.

Получил сегодня твое первое письмо от 18 V (подали ½ 6-го). Очень все это печально, надо было кофточку драповую взять, хотя, Бог знает, сейчас на воле так тепло и дождя у нас никакого не было. А скверно, когда в вагоне холодно. Меня очень беспокоит, как у тебя, все ли в порядке, не простудилась ли — об этом напиши непременно. А как твои штиблеты, тоже размокли и вычистить уж нельзя!

Пиши, деточка, как что видишь, а <то> забудешь рассказать.

Писем не было, ничего не было, только «Слово» и «Бирж<евые> В<едомости>» вечерн<ие> купил.

Благословляю тебя, поживи, посмотри Москву.

Завтра пойду в «Речь».

Тебе с Брюсовым где встретиться, авось что-нибудь да увидала — это не в Петербурге.

7

<СПб.> 19 мая 1909

№ 5

Утром послал 25 руб<лей>. Взяли за пересылку 1.30. Да, вчера Антонина Николаевна <Шалаурова> принесла самовар, завтра придет, наверное, Вал<ентина> Ал<ександровна Шалаурова>, я его ей отдам. Получил письмо от Т. Н. Гиппиус. Пишет, что заходили в пятницу вечером (15-го). Швейцар сказал, что ты уехала в Москву на 2 недели, они не поднялись ко мне, потом пожалели, хотели спросить: когда вернешь ты и т<ак> д<алее>. Я сейчас написал письмо: «С. П. поехала в Берест<овец> через Москву: у ней захворала мать, и потому собралась так скоро. Пробудет недолго и вернется сюда. Кланяюсь». Я думаю, этого достаточно. Переписал сказку «про мертвеца и про разбойников», хочу завтра попросить Вал<ентину> Ал<ександровну> отдать ее в «Сатирикон». В «Речь» не пошел: едва ли кого там сегодня встретил бы. Если москов<ские> газеты видишь, то, наверно, знаешь, что помер депутат и адвокат Пергамент, имевший отношение к «Речи». Завтра пойду.

Посылаю вырезку из сегодн<яшнего> «Слова», из которой явствует, что Рябушинский приехал, а потому надо действовать. Я еще точно вот как-то не решил, как и что написать ему, чтобы последние 50 р<у>б<лей> вырвать. Тогда Гиппиусам можно было бы отдать хоть часть. Может быть, Н. С. Бутова пойдет поговорить уж с самим Рябушинским.

Деточка, не забудь, сходи в Успенский собор, в Румянцевский музей, да и в Троице-Сергиевскую Лавру (к «Троице») съезди, подряди Фед<ора> Ив<ановича> Щеколдина или Н. С. Бутову.

Во сне видел Н. И. Киенского, это к дождю, мелкий идет дождь.

Сейчас послал ее (В. А. Шалаурову. — Е. О.), в «Сатирикон», пускай прогуляется.

Написал письмо Рябушинскому. Спать лягу рано, устал что-то. Ты меня, деточка, предупреди, когда не писать в Москву.

Никто не приходил, да, видно, и не придет, и слава Богу.

Благословляю тебя, деточка, живи-смотри, не беспокойся.

А. Ремизов
¼ 11-го н(очи)

Начались уж белые ночи. В час светло.

Я, знаешь, шубу «Розановскую» не думаю в нафталин класть, ей лучше бы повисеть в гардеробе, а то как же нафталиновой накрываться.

8

⟨СПб.⟩ 20 мая 1909

№ 6

Сегодня день посетителей. Приходил Григ(орий) Новицкий. И хорошо так вышло, я уже собрался в «Речь». (В «Речи» разговаривал с Гессеном. Гессен сказал, что отдадут в набор, подсчитают и мне сообщат, сколько мне еще следует). Придя домой, я написал письмо той даме Соломоновской, которая этими делами в «Речи» занимается, прося ускорить и набор, и подсчет, и извещение меня. В редакции встретил Рославлева, узнал от него, что в «Сатириконе» платят по 15 к(опеек) за строчку, что относительно «Караван-Горюна», если «Шиповник» не примет, он берет вести меня в «Общественную Пользу» к тому самому Кулакову, к которому я однажды ходил наниматься в «Надежду» и который мне тогда отсоветовал поступать в контору. В «Шиповник» написал письмо и Котылеву написал. Ну, а затем пришел Пяст с женой. Пяст дал мне 20 руб(лей) до 10 июня, зайдет за ними 9—10(-го). Я все-таки взял, хотя и на такой короткий срок, на случай, не мешает. Нонна Александр(овна) просит передать тебе поклон, уезжает она 15 июня, билеты достать не может, на пароходе до Ладоги, может. Ну ты, когда приедешь, можно ее попросить и проехать до Ладоги. Пяст рассказывал, что было у Вячеслава (Иванова) на последнем собрании. Тут и Вал(ентина) Алек(сандровна Шалаурова) приходила, принесла сухарей и баранок, отдал ей самовар, она уезжает завтра в 1 ч(ас) дня в Крым на две недели с экскурсией Медицинского института. Я ей дал адрес Зои (З. В. Александрова), сказал, что между поездами может приехать и тебе поклон передать. Ты на это не осердишься? Но она, думаю, не заедет, потому что извозчик дорог, между поездами времени мало, а на трамвае она не сумеет. Пясту я ничего не сказал, что ты в Москву поехала. Сказал то же, что написал Т. Н. Гиппиус.

«Кикимора» остается на завтра, а в пятницу утром с миром съедет. По всей вероятности, Василиса сразу же переселится к нам, так как Василисина «барыня» нанимает прислугу, чтобы с новой переехать в другой дом. Платки выстирала и подала.

Во сне видел, будто на твоей белой кофточке (шелковой) иголка. И подумал: надо тебе сказать, а то еще уколешься. Знаешь, кофточка, мне она нравится, с муаром и кружевом на рукавах. Потом кого-то видел, вроде опять Киенского, но забыл.

Деточка, завтра (с 21(-го) на 22(-е)) затмение лунное, наблюдай. Если тебе надо будет деньги, напиши. Калоши купи, а то теперь дожди пошли, промочишь ноги.

Благословляю, деточка.

А. Ремизов

Пясту заказал принести Писемского «Люди сороковых годов».

〈СПб.〉 21 мая 〈1909〉

11 ч〈асов〉 н〈очи〉

№ 7

Сегодня такой день пасмурный и холодный, никакого лунного затмения не увижу, я уж, знаешь, опять твою корсетку надел, так холодно. Письмо получил из Москвы от некоего Бартрама — организатора кустарной выставки игрушек, но ответ ему беспешное дело, еще не решил: можно будет «чорта» послать на выставку. Наконец, пришел Верховский, их выгнали из квартиры и вид у него был такой изнуренный, что я уж резко не поминал ему случая привода к нам студента. Показывал письмо Брюсова, в котором Брюсов предлагает ему писать в Библиографич〈еском〉 отделе «Р〈усской〉 М〈ысли〉» и упоминает, что он, Брюсов, имеет лишь «косвенное» отношение к редакции, а всякие дела направлять советует Лурье. Верховский справлялся по телефону к Мережковским, хотел узнать о своих стихах, посланы ли они, и получил ответ, что М〈ережковск〉ие уехали за границу. Чаю выпил и пошел без задержек. Тебе кланяется, придет перед отъездом. Насчет твоего пребывания в Москве, я, конечно, ему ни слова не сказал.

Получил письмо от Котылева, что 2 сказки «Панорама» приняла в пятницу, стало быть, завтра напечатают. Относительно денег, если не удастся взять вперед, то придется получить в установленный для платежей день — в четверг. Завтра думаю сходиться в «Шиповник». Два уже письма послал!

Из газет: в Рыбинске изнасиловали 5 человек 75-и летнюю 〈sic!〉 старуху, 23-го мая открытие памятника Императору Алекс〈андру〉 III против Николаевск〈ого〉 вокзала.

Твое 2-ое письмо от 20〈-го〉 V получил сегодня в 12 ч〈асов〉 дня. И потому пишу это письмо уж в Берестовец. В Москву было 6 писем. Из Берестовца извести меня, когда не писать больше. Я могу писать письма, но не отсылать, чтобы по приезде дни видела. Относительно Бутовой, о «таланте» ее, меня такие признания раздражают, видишь ли, она не интригантка 〈sic!〉 по очень простой причине: интриговать может Книппер и друг〈ие〉, а она вроде как на покое, только что 〈1 слово нрзб. — Е. О.〉, что «талант» и «работает». Ну, Бог с ними. Понравилась, стало быть, Москва. Но в Москве есть невыносимое в обществе московском, это сентиментальность и вот такая Бутовщина со всей тенью Худож〈ественного〉 Театра. А земля Московская своеобразна и тепла, не чета нашей Петербургской. Тебе, деточка, хочется в Москву переселиться? Я бы, ведь, с охотой год пожил. Кланяйся Наташе.

Из дел домашних: Кикимора с котом Василисы уезжает завтра в 7 ч〈асов〉 вечера, Василиса еще не переселяется, но готовить будет.

Благословляю тебя, моя деточка, смотри, как яблони цветут — или отцвели уже? А приедешь, поедем на Ладогу, если билет-то можно даровой достать, дня два проедем 〈sic!〉, посмотрим.

А. Ремизов

10

〈СПб.〉 22 мая 〈1909〉

12-ый ч(ас) н(очи)

№ 8

Две палатки поставили уж там, где лежал каменный уголь, значит, скоро лето. Кикимора ушла сегодня и сейчас же на ее место переселилась Василиса. Вот то, что из окна видно, и то, что совершилось в доме.

Видел вчера во сне (забыл тебе написать), будто ты стоишь с 〈1 слово стерто. — Е. О.〉, охраняешь ее, потому что ее преследует какой-то Адамов, который тут же стоит, а сегодня видел Дину 〈Д. И. Зонова〉. Раздумывая, к чему такой сон 〈1 слово стерто. — Е. О.〉 видеть 〈1 слово стерто. — Е. О.〉 дело иметь, вот, что значат эти два сна. Утром получил письмо от Копельмана, не берут «Караван-Горюн», сейчас же написал Рославлеву — прошу назначить время, когда идти в «Общественную Пользу». И пошел в «Шиповник» за книгой. Довольно долго разговаривал с ним 〈Копельманом〉. Толковал он мне, что лучше всего, если бы начать полное собрание сочинений издавать, с «Пруда» и т(ак) д(але), спрашивал я об «Альманахе 〈издательства «Шиповник»〉», и он ответил, что до 1910 г(ода) Альманахи уж составлены. Этим разговор и кончился.

Показалось мне, что когда туда шел, на Садовой Заливский проехал. Но вообще никого не встретил. Буренинского фельетона нет. В «Сатириконе» моего нет в этом №. В «Панораме» есть «Небо пало». Они считают по 15 к(опеек) 〈за〉 строку, стало быть, мне придется 8 р(ублей) 25 к(опеек). Это, наверно, уж в четверг (28 V) придется получить.

Вечером получилась открытка от Вал(ентины) Алек(сандровны Шалауровой), пишет, что на экскурсию не попала, и спрашивает, когда ей зайти. Напишу (не сегодня), что когда хочет, хоть мне ничего такого не надо из поручений, вот насчет нафталина. Последние две ночи я укрывался Розановской шубой, так холодно было.

Из газет: о слоне «Зембо» все пишут. Как его отравили — московский слон, я его помню. Завтра здесь открытие памятника, в 9 часов начнут палить из пушек, Государь будет. Лунного затмения вчера не видел, — все небо было в облаках.

Сегодня я провозился опять с подклейкой и с нумерацией в «Караван-Горюне». Потом переписал несколько писем, очень любопытные. Если бы такая удача выпала достать еще. Самые интересные 40-х годов.

Как ты доехала, деточка. Напиши хотя одно письмо из дому.

Благословляю тебя, не простудись, какая там погода, в легком-то холодно в вагонах.

А. Ремизов

11

〈СПб.〉 23 мая 1909

11 ч(асов) ровно ночи

№ 9

Я даже пяти 〈sic!〉 выстрелов, возвестивших, что церемония началась, как-то прослушал. Во сне видел Раису Иосифовну 〈Бриллиант〉 и Государя. Первый сон означает — приход 〈1 слово стерто. — Е. О.〉, а второй — хорошее. И действительно, скоро оправдались мои толкования: получил твое 3-ье письмо из Москвы от 22 V, а

около трех часов, когда сел я за стол, чтобы есть, пришла (1 слово стерто. — Е. О.) Волошинская справиться относительно письма Бартрама, о котором я уже писал тебе. (1 слово стерто. — Е. О.) не раздевалась, должно быть, вид у меня был не гостеприимный — терпеть не могу, когда приходят во время еды, — я ей сказал, что у меня игрушек нет, но что «чорта» я, может быть, pošлю, дал адрес Добужинского, и она ушла. Между прочим, сказала, что едет в Коктебель. Вот компания веселая. У (1 слово стерто. — Е. О.) этой, при дневном свете видно, растет борода.

Мне что-то совсем-совсем не нравится Бутова: заключаю по твоим некоторым словам, а что касается Сабашниковых, вот еще неприятное может быть — все эти племянницы под Бальмонта. Это в своем роде тоже компания веселая. Куда же мы с тобой поедem, деточка, я все думаю и ничего придумать не могу.

Писем не было. Купил «Огонек», посылаю вырезку с изображением разбойника Савицкого.

Вечером приходил Демьяныч, отдал ему книги. Он был в толпе на открытии памятника, надо будет пройти к Никол(аевскому) вокзалу взглянуть. Рассказывал он, что Лундберг до сих пор никуда не уехал, то жил в Злодиевке, то в Киеве, и пишет, что денег у него почти уж не осталось. Наверное, он никуда и не поедет.

В Страстном монастыре я был очень маленьким и не помню икону, а внутренность Василия Блаженного хорошо помню.

Василиса служит кротко, просила меня, чтобы я попросил старшего (дворника) о переводе Семена на нашу лестницу — «дрова не будут пропадать». Чудачка, старший-то меня и послушает.

Напишу Валентине Александровне (Шалауровой), чтобы пришла часов в 6-ть, как вздумается, некоторые вещи пересыпать нафталином надо. Холод — ужас, а палатки все пять уже стоят.

Благословляю тебя, деточка, напиши, если денег надо, вышлю телеграфом.

А. Ремизов

12

(СПб.) 24 мая 1909

12-ый ч(ас) ночи

№ 10

Мне во сне (1 слово стерто. — Е. О.) везет, приснилось сегодня, будто где-то в театре идет Аркадий (Зонов) с Марианной Исак(овной). Удачу большую сон не предвещал. В 2 ч(аса) с черного хода явился Рославлев: Кулаков уехал на 2 недели, а Рославлев сам уезжает к Кулакову в Алупку в будущий понедельник, куда из Петербурга вернется и сам Кулаков. В Алупке Рославлев поговорит с Кулаковым и напишет мне сюда. Теперь же он узнал, если даже и приняли бы, то все равно аванса не дали бы — уж поздно. Только в августе, если примут, то дадут 200—300 руб(лей) авансом. Завтра пойду к Котылеву поговорить и относительно какого-то темного человечка, который может издать, и относительно Маркса через Чуковского.

Во вторник в час пойду в «Сатирикон» — получу авансом гонорар за сказку, если только Рославлев не врет, а потом в «Речь». Сегодня напечатали статью Шестова о Сологубе. — В «Речи», по наущению Рославлева, какого-то должен я звaть корректора, от которого зависит ускорение набора, потому что Гессен, хоть и искренно обещает, но все забывает.

После Рославлева, который часа 3-и высидел, пришел такой студент робкий — Хлебников, ну этот скоро ушел. Все-таки у меня разболелась голова.

Писем не было. Да одно письмо Кикиморе было, я отдал Василисе, она пошлет.

У меня пока такие предположения: вот вернешься, съезди к Раисе (Р. А. Ша-лаурова), посмотри, как она там, может быть, там можно было бы поселиться — нанять комнату на некоторое время. Пишут в газетах, что возможно, что к июлю будет опять холера в Петербурге. Сейчас заболело 9, вчера 12 (много пришлых рабочих, а в воде опять обнаружили вибрионы).

Во вторник увижу Рославлева и спрошу его адрес Кулакова — это тот Кулаков, который в «Надежде» был и к которому я ходил с письмом от Д. Е. Жуковского, думаю, не написать ли ему, не найдется ли какого-нибудь пристанища в «Общественной Пользе». Рославлев, если не врет, — ему доверять трудно, — говорит, что в 50—75 руб(лей) место можно найти именно в «Общ(ественной) Пользе». Сам Рославлев там служит в качестве консультанта по разбору рукописей.

Да, дела, деточка, все дела. Каким-то бесконечным кажется мне хождение в «Речь», письма в «З(олотое) Р(уно)» и ожидания ответов, каким-то «наказанием», я думаю, что ты более нетерпеливая, чем я, не знаю, уж что бы ты сделала.

Благословляю тебя, деточка, поживи в Берестовце, если удобно тебе.

А. Ремизов

(Продолжение следует)